

Univerzita Karlova

Filozofická fakulta

Ústav východoevropských studií

**Образовательное пространство русского зарубежья:
на материалах журнала «Русская школа за рубежом»**

Vzdělávací prostor ruského exilu: na základě časopisu Russkaja škola za rubežom

Educational space of the Russian diaspora: based on the material of the magazine
Russkaia shkola za rubezhom

Diplomová práce

Bc. Anna Osinovskaia

Praha 2022

Vedoucí práce: Doc. PhDr. Hanuš Nykl, Ph.D.

Prohlášení:

Prohlašuji, že jsem diplomovou práci vypracovala samostatně, že jsem řádně citovala všechny použité prameny a literaturu a že práce nebyla využita v rámci jiného vysokoškolského studia či k získání jiného nebo stejného titulu.

V Praze, dne 7. srpna, 2022

Bc. Anna Osinovskaia

Klíčová slova:

Časopis «Ruská škola v zahraničí», emigrace «první vlny», emigrantská škola, exilové časopisy, pedagogika

Key words:

Journal "Russian School Abroad", emigration of the "first wave", emigrant school, exile journals, pedagogy

Ключевые слова:

Журнал «Русская школа за рубежом», эмиграция «первой волны», эмигрантская школа, журналы русского зарубежья, педагогика.

Abstrakt:

Diplomová práce zkoumá specifiku fungování části vzdělávacího prostoru ruské diaspory první vlny emigrace. Analýza statí publikovaných v časopise Russkaja škola za rubežom poskytuje obecnou představu o ruských školách v zahraničí během první vlny emigrace, o jejich organizaci a výukových prvcích, jakož i o možnostech řešení různých problémů vznikajících v procesu vzdělávacích institucí. Ve 34 číslech časopisu vyšlo asi 40 článků o školách v Československu, Jugoslávii, Bulharsku, Německu, Polsku, Francii, Lotyšsku, Litvě, Estonsku, Turecku, Besarábii, Finsku, Tunisku a dokonce i USA a Mandžusku. Články takových exilových pedagogů jako D.M.Sokolcov, A.I.Tyminskij, A.T.Pavlov a další umožnily vytvořit ucelenější pohled na vzdělávání v zahraničí a identifikovat společné problémy výuky a výchovy studentů.

Аннотация:

В данной работе рассматривается специфика функционирования части образовательного пространства русского зарубежья первой волны эмиграции. Анализ очерков, опубликованных в журнале «Русская школа за рубежом», дает общее представление о русских зарубежных школах в период первой волны эмиграции, их организации и особенности обучения, а также о вариантах решения различных задач, возникающих в процессе деятельности учебных заведений. В 34 номерах журнала было опубликовано около 40 очерков о школах в Чехословакии, Югославии, Болгарии, Германии, Польше, Франции, Латвии, Литве, Эстонии, Турции, Бессарабии, Финляндии, Тунисе и даже США, и Маньчжурии. Статьи таких педагогов эмиграции, как Д. М. Соколькова, А. И. Тыминского, А. Т. Павлова и др. позволили создать более целостное представление об образовании за рубежом, выявить общие проблемы обучения и воспитания учащихся.

Abstract:

This paper examines the specifics of the functioning of part of the educational space of the Russian diaspora of the first wave of emigration. An analysis of the essays published in the journal «Russian School Abroad» gives a general idea of Russian schools abroad during the first wave of emigration, their organization and teaching features, as well as options for solving various problems that arise in the course of educational institutions. About 40 essays on schools in Czechoslovakia, Yugoslavia, Bulgaria, Germany, Poland, France, Latvia,

Lithuania, Estonia, Turkey, Bessarabia, Finland, Tunisia and even the USA and Manchuria were published in 34 issues of the magazine. Articles by such emigrant teachers as D.M.Sokoltsov, A.I. Tyminsky, A.T. Pavlov, and others made it possible to create a more holistic view of education abroad, to identify common problems of teaching and upbringing of students.

Содержание

Введение.....	7
1. Глава 1. Возникновение русских школ за рубежом.....	9
1.1. Становление русского зарубежья.....	9
1.2. Русская акция и помощь беженцам.....	15
1.3. Возникновение русских зарубежных школ.....	17
2. Глава 2. Обзор журнала.....	19
2.1. Педагогическая журналистика в эмиграции и роль журнала «Русская школа за рубежом».....	19
2.2. Деятели зарубежной педагогики на страницах журнала.....	22
2.2.1 С. И. Гессен и «Русская школа за рубежом».....	22
2.2.2. Сергей Иосифович Карцевский.....	23
2.2.3. Василий Васильевич Зеньковский.....	23
2.2.4 Альфред Людвигович Бем.....	25
2.3. Основная структура и рубрики журнала.....	26
3. Глава 3. Организация и функционирование русских зарубежных школ на страницах журнала «Русская школа за рубежом».....	30
3.1. Положение русских школ в эмиграции.....	30
3.2. Сохранение национальной идентичности.....	38
3.3. Слияние культур.....	41
3.4. Внутренняя организация беженских школ.....	45
3.4.1 Программа обучения.....	45
3.4.2. Труд педагогов.....	47
3.4.3 Положение учеников.....	49
3.4.4. Внеклассная деятельность.....	50
4. Заключение.....	53
Список литературы.....	56
Приложения	

Введение

Русская школа за рубежом – важная и неотъемлемая часть жизни и воспитания русских детей-эмигрантов. Исследование деятельности национальных образовательных центров в российском зарубежье представляется актуальным как в научном, так и практическом плане.

Для того, чтобы понять проблемы существующих по сей день русских школ, важно проследить историю становления, развития и выявить особенности функционирования русских эмигрантских школ, чьи трудности во многом схожи и находят своё отражение в настоящее время. Этот опыт, накопленный русской зарубежной школой в 1920-е гг., сформировался в экстремальных условиях, без защиты и опоры на страну происхождения эмиграции.

Данная дипломная работа посвящена анализу функционирования части образовательного пространства русского зарубежья «первой волны». Целью работы является выявление особенностей и проблем, с которыми столкнулись русские зарубежные школы, а также вариантов их решения. Первичным материалом для исследования послужил один из ведущих журналов педагогического зарубежья 20-х – 30х годов – «Русская школа за рубежом». На страницах журнала в полной мере отображена жизнь русской школы как в эмиграции и лимитрофных государствах, так и советской России, новейшие течения педагогики в Западной Европе и Америке, состояние русской советской школы. Подобными вопросами занимались такие исследователи, как Седова Е. Е., Щупленков О. В., Осовский О. В., Сладек З., А. Копрживова, Ковалевский П. Е., Петрушева Л. Е. и др.

Настоящий анализ выполняет функцию обобщения и систематизирования информации об образовании русского зарубежья на основах статей выдающихся педагогов и деятелей образовательных учреждений в эмиграции. Временной отрезок ограничивается 20-30 гг. XX века, что сравнимо по времени с «первой волной» эмиграции и выпуском журнала «Русская школа за рубежом».

В первой главе работы рассмотрим феномен «русского зарубежья», исторический контекст и предпосылки возникновения, которые привели к возникновению русских зарубежных школ. Рассмотрим положение беженцев, постараемся выявить общее число эмигрантов, страны-приемники и примерное количество детей-беженцев. Для нас особое значение будет иметь положение детей-эмигрантов, условия жизни на начальном этапе за границей, а также организации помощи пострадавшим детям.

Во второй главе мы подробно остановимся на педагогической журналистике зарубежья – важнейшим средством единения той части нации, которая оказалась в изгнании, существенным фактором формирования единого социокультурного пространства, способом информирования разных социальных слоев о политической, духовной и экономической жизни русского общества в эмиграции, о проблемах и опасностях эмигрантского бытия, и как это отражалось на страницах журнала «Русская школа за рубежом». Рассмотрим некоторых значимых авторов журнала, и какой вклад был ими внесён. Остановимся на основных рубриках журнала, подробно опишем каждый из них.

Третью главу мы посвятим подробному анализу функционирования русских школ зарубежья на страницах журнала «Русская школа за рубежом». Из 34 выпусков журнала выявим в каждом рубрику «зарубежная русская школа», и подробно обрисует картину деятельности школы, выявим внутренние и внешние проблемы её существования.

Глава 1. Возникновение русских школ за рубежом

1.1 Становление русского зарубежья

История русского зарубежья делится на три периода, значительно отличающихся друг от друга как по численности, так и по составу. «Первая волна» идёт от начала образования зарубежья в 1920 году, когда в пределах России, кроме Дальнего Востока, окончилась Гражданская война и были определены границы между РСФСР и лимитрофными государствами. Она продолжалась до Второй мировой войны. «Вторая волна» охватывает военные годы Второй мировой, когда всякая деятельность русских организаций была или совсем прекращена, или сведена до минимума. Третья волна, послевоенный период, разнится от предшествующих, так как почти всё старшее поколение, начавшее свою деятельность ещё в России, умерло, дальневосточный русский центр был целиком ликвидирован, а из Европы началась тяга за океан. Волна беженцев из СССР тоже в значительной мере перебралась в Америку и в Австралию, и в Западной Европе, прежнем несомненном центре русского зарубежья, осталось только часть среднего поколения и два молодых поколения, которые лишь частично можно причислить к русскому зарубежью. Большинство молодых уже окончательно вошло в жизнь тех стран, в которых они родились и где часто родились даже их родители. Они несут свой культурный дар в мировую сокровищницу, но его едва ли можно причислить к «вкладу русских в мировую культуру». Несмотря на прилив новых сил после войны, русское зарубежье сократилось численно почти в пять раз, поэтому необходимо дать сведения о том, как оно образовалось и оформилось вначале и как оно жило в период своего полного расцвета до Второй мировой войны. Русское зарубежье оказалось с первой поры, особенно после признания советской власти великими державами в 1924 году, на совершенно особом положении, не имевшем прецедентов ни в международном праве, ни в истории. Ввиду этого надо, хотя бы кратко, определить его международное положение и параллельно дать картину его самоустройства и организации. С другой стороны, только первый, довоенный период, подходит под наименование «Зарубежной России», так как она числила в своих рядах не только цвет русского интеллигентного общества, науки и искусства, но и русские культурные меньшинства лимитрофных государств.¹

В историческом труде невозможно дать полных статических данных о русском зарубежье. Они собраны на основании официальных переписей и анкет 1920–25 годов

¹ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971. С. 17–30.

и могут составить особый выпуск материалов, который было бы желательно издать. Покинуло Россию после революции 1917 года около миллиона людей. К ним надо присоединить русское население Бессарабии, объявившее себя таковым при переписи 1920 года (742 тысячи на общее население области в 2.686.000), русские меньшинства в Финляндии (15 тысяч), Эстонии (91 тысяча), Латвии (231 тысяча), Литве (55 тысяч), Польше (5 миллионов 250 тысяч, согласно переписи 30 сентября 1921 года, при общем населении страны в 27 миллионов 177 тысяч), Угорской и Пряшевской Руси (550 тысяч), Китая и полосы отчуждения Восточно-Китайской железной дороги (200 тысяч), США (500 тысяч), Канады (119 тысяч), и Западной Европы (50 тысяч, живших там до революции 1917 года), а всего 8 миллионов 853 тысячи человек. Все эти цифры даны за исключением беженцев, которые входят в миллион покинувших пределы России после революции. По данным, опубликованным Лигой Наций в сентябре 1926 года, выехало из России 1.160.000 человек. К ним надо ещё присоединить оставшихся на Западе русских военнопленных войны 1914–18 годов и чинов экспедиционного корпуса во Франции и в Салониках в 1916–17 годах.²

Относительно славянских государств надо заметить, что количество русских в них шло на убыль, тогда как в западноевропейских странах увеличивалось. Объясняется это тем, что первоначально эти страны приняли большое количество выехавших во время одесской, новороссийской и крымской эвакуаций, но постепенно эта масса беженцев переехала во Францию и другие страны. В Чехословакии к этому присоединилось другое обстоятельство. Ввиду того, что в чешских высших учебных заведениях учились тысячи русских на государственных стипендиях, страна была только переходным этапом на пути русских зарубежных, которые, по окончании образования, разъезжались по всему миру. Статистика 1929–30 года даёт следующие цифры: Болгария — 21330, Югославия — 29500, Чехословакия — 23640. Несмотря на меньшие цифры, Чехословакию можно считать интеллектуальной столицей русского зарубежья, поскольку в эмигрантском сознании она воспринималась как город профессоров и студентов, которые прибыли туда по приглашению правительства республики для продолжения научной работы и образования. Закономерно, что город снискал славу «русского Оксфорда».³ Широкое признание в исследовании послереволюционной эмиграции получили работы Зденека Сладека, Светланы Тейхмановой, Вацлава Вебера, Ивана Савицкого, Эмиля Ворачека, Любови

² Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971. С. 25.

³ Ковалёв М. В. Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге 1920-30 гг. Исторические очерки. 2014 г. с. 8.

Белошевской, Милуше Бубениковой, Анастасии Копрживовой. Последней исследовательнице принадлежит особый вклад в изучении эмиграции с точки зрения повседневной жизни. Именно она впервые рассмотрела проблемы обеспечения эмигрантов жильем, темы досуга и отдыха, одежды и моды и др.⁴

Исторически проникновение в Западную Европу масс беженства в 1919–1921 гг. шло двумя путями: с юга, через Константинополь, и с востока, на протяжении всей сухопутной границы России. Таким образом, создалось два важнейших района первоначального поселения беженцев в славянских землях и в лимитрофных государствах. В третьем условно обозначаемом районе – в государствах центральной части Западной Европы – осело в первые годы лишь небольшое количество беженцев, вследствие запретительных мер правительств этих стран. В 1922–1923 гг. происходит новая передвижка беженской массы, на этот раз переносящая центр ее из лимитрофных и славянских государств в Германию и Францию. Руднев В. в приведённой ниже таблице показывает распределение беженцев по отдельным государствам в 1924 году. Положение с тех пор существенно не изменилось, ибо вновь введенные в 1924 г. Францией и Германией ограничения для въезда русских беженцев в общем приостановили эмиграционный процесс.

Финляндия.....	15 000	Болгария.....	30–34 000
Эстония.....	12 000	Греция.....	2 000
Латвия.....	15 000	Турция.....	10 000
Литва.....	2 500	Швейцария.....	2–3 000
Польша.....	100–150 000	Англия.....	2–3 000
Бессарабия.....	15–20 000	Бельгия.....	3 500
Чехословакия.....	30 000	Франция.....	200 000
Югославия.....	30–35 000	Германия.....	120–150 000
Всего.....	590–685 000		

Районы расселения и относительная численность в них детей в общем, конечно, соответствуют местам сосредоточения масс беженцев. Судя по вышеприведенной таблице,

⁴ Koprřivová A. Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921 – 1952). Praha, 2001; Копрживова А. Русский заграничный исторический архив // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, № 1. С. 66 – 69

к 1924 году в европейских государствах остаются еще большие сосредоточения детей, но сильно возрастает к этому времени значение центральной части Западной Европы. В частности, во Франции и Германии должно находиться около половины общего количества беженских детей.⁵

Наиболее значимым для нас является положение беженских детей в условиях эмиграции. Впервые мировое сообщество столкнулось с таким массовым переселением детей, что, в свою очередь, вызвало большое количество правовых проблем. Не существовало практически никакой международной системы, призванной защищать детей, поэтому с первой половины 1920-х гг. неоднократно поднимался вопрос о необходимости их защиты, что в итоге привело в 1924 г. к принятию Женевской декларации прав ребенка.

⁶ Но самыми незащищёнными были те дети, семьи которых оказывались в трудном финансовом положении.

Ф. Нансен в июле 1923 г. представил Совету Лиги Наций доклад, в котором определил общую численность детей-эмигрантов в 400 тыс. человек. Однако многие русские организации, в частности Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор, РЗГК), считали эту цифру сильно преувеличенной. К началу 1924 г. общее число детей-беженцев, проживавших в Западной Европе, составляло приблизительно 45-50 тыс. человек, из которых порядка 20 тыс. нуждались помимо материальной помощи еще и в правовой и моральной защите.⁷

В сложившейся ситуации детям особенно требовалась помощь и поддержка, которую, в первую очередь, оказывали русская беженская школа, которая приходилась им в роли хранительницы национального лица русских детей и спасительницы их моральной стороны и различные благотворительные организации. Большую помощь детям оказывал Земгор, предоставляя детям бесплатное питание в виде 500 г хлеба для младших и 600-700 г для детей более старшего возраста и по 100 г мяса 2-3 раза в неделю.⁸

Комитет помощи детям русских эмигрантов в Польше был создан 21 апреля 1923 г., председателем его была Л.Т. Богущкая-Тимофеева, проживавшая с супругом до революции в Одессе, где преподавала в высших учебных заведениях, товарищем председательницы —

⁵ Руднев В. Несколько цифр. / Дети эмиграции, сборник статей под редакцией проф. В.В. Зеньковского, Прага 1925. С. 193-194

⁶ Микуленок А. А. Положение детей-эмигрантов из России в лимитрофных государствах в 1920-е годы // Вестник ТГПУ. 2018. №5 (194). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-detey-emigrantov-iz-rossii-v-limitrofnyh-gosudarstvah-v-1920-e-gody>.

⁷ Там же.

⁸ Руднев В. В. Условия жизни детей эмиграции. Прага: [б. и.], 1928. 17 с.

А.П. Домерщикова, секретарем — Ю.А. Липеровский. Комитет состоял в основном из самих эмигрантов, так как само польское правительство стремилось скорее ассимилировать русское население в соответствии со своими национальными интересами. В положении о Комитете обозначена его цель — оказание всесторонней (материальной, культурно-просветительной, медицинской, воспитательной, моральной и т.д.) помощи детям русских эмигрантов в Польше. Комитет имел право открывать в Польше детские очаги и ясли, приюты, школы, санатории и лечебницы, детские сады и площадки, библиотеки, детские клубы и прочие подобные учреждения и приобретать для этого необходимые средства и имущество.⁹

Неоценимую помощь русским детям-беженцам оказывал Юношеский Красный Крест, основанное в Америке, позже, в 1920 году было перенесено в Чехословакию. Основной целью организации было физическое и гигиеническое воспитание, ручной труд, социальное самодействие. Для голодающих русских детей Красным Крестом было собрано 201.168 крон, изготовлено 25.597 одежды на сумму 1.500.000 крон, и усилиями молодёжи было найдено 452 семьи, которые изъявили желание приютить нуждающихся русских детей.¹⁰

В ноябре 1921 года правительство Королевства СХС создало Державную (Государственную) комиссию по делам русских беженцев, к которой перешли все функции Государственной Комиссии по приему и устройству русских беженцев. Основная задача Державной комиссии состояла в установлении общих правил пользования денежными ссудами и распределении между колониями и отдельными лицами всей денежной помощи, получаемой от правительства Королевства СХС, а также от Англии и Франции. Однако, когда в конце 1922 года проф. Кошутич по поручению Министерства Нар. Просвещения объезжал русские школы в королевстве, он обратил внимание на недостаточную помощь со стороны комиссии. В своем докладе проф. Кошутич предлагал ряд мер, необходимых для оздоровления русской школы. На первом плане, конечно, стояло преобразование управления русских учебных заведений. Проф. Кошутич предлагал передать русские учебные заведения под контроль министерства просвещения. Кроме того, он намечал следующие меры: очищение школы от неспособных детей, для обучения которых ремеслу должно быть открыто специальное ремесленное училище в Белграде; строгая оценка знаний учащихся; согласование программ русских учебных заведений с программой

⁹ Костерин С. В. Деятельность «Комитета помощи детям русских эмигрантов в Польше» по оказанию поддержки детям беженцев" // Преподаватель XXI век, vol. 2, no. 2, – 2016, С. 260-273.

¹⁰ Карцевская. Е. Юношеский Красный Крест в Чехословацкой Республике // РШЗР. – 1924. № 9. -С. 87-91

сербских гимназий; введение в качестве обязательного предмета преподавания сербского языка, сербской истории и географии; увеличение ассигнований на содержание учебных заведений; улучшение материального положения учащихся, путем уравнивания их окладов с окладами преподавателей сербских гимназий. Совет министров королевства С. Х. С. принял во внимание доклад проф. Кошутича и постановил взять все русские учебные заведения под контроль министерства просвещения. Управление русскими учебными заведениями было передано главному школьному совету при министерстве просвещения по делам русской школы. Председателем этого совета был назначен проф. Кошутич, состоящий инспектором русских учебных заведений.¹¹

С самого начала русскому рассеянию пришлось столкнуться с вопросом денационализации молодых поколений и со стремлением правительств тех стран, в которых русские поселились, их ассимилировать. С другой стороны, если для подрастающего поколения проблема денационализации представлялась почти неизбежной, то ассимиляция, то есть потеря своего русского облика, русских традиций и русских качеств, казалась опасной — и с ней необходимо было бороться. Для старших поколений, как вполне уже оформившихся в России, так и для тех, которые выехали уже в сознательном возрасте, вопрос о денационализации почти не вставал. Но для тех, кто продолжал или начинал своё среднее образование вне родины, он был очень острым.

Необходимо особенно подчеркнуть разницу между денационализацией и ассимиляцией. Первая есть вхождение в новую нацию, принятие её строя и лояльное отношение к стране, гражданами которой становятся прибывшие; вторая стремится к утере новыми гражданами своего национального облика, превращение в людей, похожих на местное население, так как никогда пришельцы из другой страны, как бы они ни стремились быть подобными местным жителям, не будут признаны таковыми коренным населением. Русские, даже принявшие подданство и прожившие в стране десятки лет, оставались для местного населения чужими или в лучшем случае русскими, а чаще только «грязными иностранцами».¹² Примером денационализации может послужить отношение к русским детям-беженцам в Румынии. Несмотря на то, что в Бессарабию после революции и гражданской войны прибыло немалое количество беженцев, но как таковой русской школы для беженцев там не существовало (в отличие от других стран расселения). «Дети беженцев, имеющие к тому материальную возможность, могут обучаться лишь в тех русских частных

¹¹Павлов, А. О русских школах в Югославии / А. Павлов // РШЗР. — 1923. - № 1. -С. 90-94.

¹² Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). –Париж, 1971. С. 30–37.

школах, которые ещё сохранились в Бессарабии. Но, поскольку судьба этих останков бессарабской русской школы предрешена, не приходится питать иллюзий относительно судьбы детей русских беженцев, оказавшихся на территории Бессарабии: при затянувшемся пребывании беженцев в изгнании дети эти несомненно осуждены на денационализацию, разделяя, впрочем, в этом отношении печальную судьбу детей и коренного русского населения».¹³

1.2 Русская акция и помощь беженцам

Создание русской школы стало частью правительственного плана Чехословакии, получившего название «Русская акция помощи» (чеш. *Ruská pomosná akce*), вступившее в силу по от 28 июля 1921 года указом ч. 23912/1921.¹⁴ В чехословацкой политике существовало два подхода к «русскому вопросу». Представляли их лидеры чехословацкой политической сцены, первые руководители молодого государства — президент Т. Г. Масарик и премьер-министр К. Крамарж. Последний был продолжателем русофильской линии чешской политики, которая ожидала от славянской России поддержки стремлений к эмансипации со стороны чешского, а при случае — также и словацкого народа. Эту позицию К. Крамарж перенес и на чехословацкое государство, гарантии эмансипации которого видел исключительно в политическом единстве с заветной славянской Россией. К. Крамарж решение «русского вопроса» видел в крупномасштабной интервенции против Советской России с участием как чехословацких военнослужащих, так и русских пленных, находившихся в европейских странах. Т. Г. Масарик полагал, что роль гарантов молодого чехословацкого государства будут играть западные державы. Он отвергал радикальные планы К. Крамаржа и являлся проводником политики невмешательства во внутренние дела Советской России, которая стала официальной государственной политикой ЧСР на протяжении всего межвоенного периода. Единственно возможным путем возрождения Российского государства первому президенту ЧСР представлялось приспособление большевиков к западной политике. Роль Чехословакии, по мнению Масарика, должна заключаться в подготовке российской интеллигенции к будущей систематической работе на родине, когда там начнется период реконструкции. Именно взгляды Т. Г. Масарика легли в основу государственной программы помощи эмигрантам, получившей название «Русская

¹³ Цитировано Зарубежная русская школа. 1920 – 1924. Париж, 1924. С. 258

¹⁴ Korřivová, Anastasie: Osudy ruské emigrace v Československu: studie a články. Ústav pro studium totalitních režimů: Paměť a dějiny [online]. 2015 [cit. 2016-04-25]. Электронная ссылка: <http://www.ustrcr.cz/data/pdf/pamet-dejiny/pad1502/027-034.pdf> [20.06.2022]

акция помощи». Он подчеркивал, что Чехословакия считает своим моральным долгом «собрать, сберечь и поддержать остаток культурных сил» в эмигрантской среде.

«Русская акция помощи» отличалась ясной ориентацией. Она была направлена, во-первых, на поддержку демократических сил в среде эмиграции. Особенно благоприятными в Чехословакии были условия для эмигрантов-эсеров, движение которых считалось правительственными кругами ЧСР наиболее перспективным. Во-вторых, акция была нацелена на поддержку академической, учебной, педагогической и исследовательской деятельности. Не случайно в то время говорилось о «русском Оксфорде» в Праге. В-третьих, акция была многонациональной — наряду с русской эмиграцией поддерживалась и эмиграция украинская, казацкая, белорусская, кавказская. В-четвертых, данная программа помощи была социально однородной. Она не ориентировалась на аристократию или предпринимательские круги, а опиралась преимущественно на интеллигенцию и сельский элемент.¹⁵

«Русская акция помощи» содействовала образованию культурно-просветительных учреждений в основном через посреднические организации, созданные и управляемые самими российскими эмигрантами. Такими организациями являлись Всероссийский Союз Городов и Объединение российских земских и городских деятелей (Земгор). На средства Земгора, предоставленные чехословацким правительством, в Праге начали выходить специализированные издания, получившие общеэмигрантское значение: «Русская школа за рубежом» и «Бюллетень (затем Вестник) Педагогического бюро по делам средней и низшей школы за границей», в котором публиковались материалы съездов русских педагогических работников за границей и частных совещаний по странам (Болгария, Югославия) и наиболее жгучим вопросам русской школы за рубежом, что явилось прямым продолжением традиций российской педагогической печати дореволюционного периода.¹⁶

Таким образом, русские эмигрантские организации привлекли внимание к проблеме беженцев, наполнили само понятие «беженец» новым содержанием, и главное, приняли участие в разработке международно-правовых документов, заложивших основы упорядочения статуса беженцев, механизмов защиты их прав. Удалось добиться

¹⁵ А. И. Буча. Начальный этап «Русской Акции» Чехословацкого правительства и организационное оформление белорусской диаспоры в Чехословакии/ Буча. А.И. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2010. — С.80–86

¹⁶ Седова Е. Е. Седова Е.Е. Журнал «Русская школа за рубежом» в социокультурном и образовательном пространстве Европы // "Русская школа за рубежом" (Прага, 1923-1931- № 1-34) : указатель содержания / [Санкт-Петербургский информ.-культурный центр "Русская эмиграция", Отд. литературы Русского зарубежья Российской гос. б-ки ; сост. Короткова Е. В.]. - Санкт-Петербург : Сударыня, 2009. – С.7-30

относительной унификации правового пространства для русских апатридов, проживавших в разных странах.

1.3 Возникновение русских зарубежных школ

Общее количество детей школьного возраста, нуждающихся в систематической материальной общественной поддержке, определяется комитетом Земгора в 18–20 тыс., – по-видимому, эта цифра достаточно близка к истине. С исчерпывающей точностью произведен подсчет обучающихся в русской зарубежной школе детей беженцев. По данным Земгора, эта школьная сеть в начале 1924 г. состояла из 90 школ, в том числе 43 средних и 47 низших. Общее число обучающихся в этих беженских школах детей достигает к этому времени 8 835, из них 6 937 детей в средней школе, а 1 898 – в низшей. Из обучающихся в средних школах содержалось полностью в интернатах 4 380 детей.¹⁷

Костиков В. В. в своей монографии делил по своему происхождению учебные заведения делились на две группы:

- «Имперские школы», сохранившиеся на территориях государств, отделившихся от России (Финляндия, Латвия, Литва, Эстония, Польша, Бессарабия) и созданные на базе старых дореволюционных школ, которые посещали дети коренного русского населения и дети эмигрантов.

- Беженские русские школы, созданные усилиями русских эмигрантов в странах рассеяния. Позже стали появляться и высшие учебные заведения, для которых было необходимо наличие квалифицированных преподавателей. В среде русских эмигрантов с подготовленными кадрами проблем не возникло: после революции и гражданской войны за пределы России выехало, по некоторым подсчетам, более 500 русских ученых и преподавателей, из них 5 академиков и около 140 профессоров российских университетов, институтов и других учебных заведений.¹⁸

В научной литературе широко используются подсчеты эмигрантского профессора А.А. Петрова. В рукописи подготовленной статьи «Материалы к исследованию русской школы и учительства за границей» он выделил три основные группы русских эмигрантских школ: возникшие за границей в 1919 - 1920 гг.; вывезенные из России почти в полном составе (три кадетских корпуса и два женских института); сохранившиеся в лимитрофах -

¹⁷ Руднев В. Несколько цифр. // Дети эмиграции, сборник статей под редакцией проф. В.В. Зеньковского, Прага 1925. С. - 195

¹⁸ Костиков В. В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М. 1990. С. 240

Финляндии, Литве, Латвии, Польше и Бессарабии. На наш взгляд, вторая классификация является наиболее точной.¹⁹

Первые беженские учебные заведения стали возникать уже в 1920 г. По данным Земско-городского комитета помощи русским беженцам за границей (Земгор), в 1924 г. в 90 зарубежных школах, созданных под его эгидой, училось около 14-ти тысяч учеников (это около 20% находящихся в эмиграции детей школьного возраста), из них почти 5 тысяч – на полном пансионе.²⁰ Член комитета парижского Земгора Вадим Викторович Руднев в статье «Судьбы русской эмиграции» подчеркивал, что созданием большинства школьных учреждений в первой половине 20-х гг. русская эмиграция была обязана гуманитарным организациям и правительствам славянских государств. В Чехословакии, Болгарии, Югославии русская школа на 97% финансировалась этими государствами и была включена в их образовательные системы. Правительство Югославии содержало не только вновь открывшиеся школы, но и эвакуированные из России три кадетских корпуса, два института благородных девиц. В этой стране обучалось больше половины эмигрантских детей из посещавших русские школы в Европе. В Болгарии в 1924 г. 84% живших там русских детей были учениками русских учебных заведений.

Постепенно школы начали закрываться. В 1927–1928 гг. 26 школ почти с тысячью учащихся были лишены финансирования и половина из них прекратила свое существование. Накануне войны во Франции остался только один лицей, русских гимназий в Берлине к тому времени уже не было. К 1929 г. в ведении Земгора состояли 120 школьных и дошкольных учреждений с 7500 детей, из которых почти 4000 находились на полном содержании в интернатах и приютах. Большая часть эмигрантских детей с начала 30-х годов обучалась в местных школах, но широко стали развиваться внешкольные формы обучения.

21

¹⁹ Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов. Уч. Пос. С. 82.

²⁰ Симановская Е. Русская школа за рубежом. Текст доступен по ссылке: <https://bilingual-online.net/russkaja-shkola-za-rubezhom-bilingual/>

²¹ Там же.

Глава 2. Обзор журнала

2.1 Педагогическая журналистика в эмиграции и роль журнала «Русская школа за рубежом»

Педагогическая журналистика является одним из наиболее значительных явлений общественно-педагогической жизни русского зарубежья «первой волны». Появившись в начале XX века, эмигрантские периодические издания, посвященные вопросам воспитания, обучения и образования, развивались вместе с русской педагогикой, став отражением ее проблем.²²

Журналистика Русского Зарубежья «первой волны» - удивительное и многообразное явление, отразившее историю возникновения и существования уникального эмигрантского сообщества, получившего наименование Зарубежной России. Добровольно или вынужденно покинувшие Россию эмигранты, оказавшись во Франции, Чехии, Германии, славянских государствах и в Китае, а также рассеянные по многим другим странам, создали массу периодических изданий, в которых рассматривали исторические события и повседневную жизнь России и эмиграции с разных точек зрения.

В условиях эмиграции русские журналы, газеты, популярные издания, художественная и учебная литература становились важнейшим средством единения той части нации, которая оказалась в изгнании, существенным фактором формирования единого социокультурного пространства, способом информирования разных социальных слоев о политической, духовной и экономической жизни русского общества в эмиграции, о проблемах и опасностях эмигрантского бытия. В них рисовались конкретные ситуации беженского существования, ставились не только актуальные проблемы, но и обсуждались вопросы будущности.²³

На протяжении 1920–1930-х гг. вопросы жизни беженской школы, судьбы эмигрантского учительства, новые тенденции в образовании советской России обсуждались на страницах «Современных записок», «Воли России», «Нового Града», «Возрождения», «Руля» и др. Педагогическая периодика русской эмиграции, по данным Ю.Ю. Терени, насчитывает «более 40 педагогических журналов, выходящих в странах Европы

²² Терени Ю. Ю. Генезис педагогической журналистики русского зарубежья 1920-1940 гг. // Историко-педагогический альманах ВЛАДИ. 2011 г. № 3-4. С. 54-62.

²³ Седова Е.Е. Журнал «Русская школа за рубежом» в социокультурном пространстве Русского Зарубежья // «Русская школа за рубежом» (Прага. 1923-1931. - №1-34): указатель содержания. – СПб.: Сударыня, 2009. – С. 7-30.

(Чехословакия, Югославия, Эстония, Латвия, Франция, Германия, Болгария, Польша), а также в Китае и США, среди которых «Русская школа» (Прага, 1934–1940), «Вестник самообразования» (Берлин, 1922–1924), «Вопросы религиозного образования и воспитания» (Париж, 1927–1928), «Вопросы школьной жизни» (Харбин, 1925–1926), «Вестник Маньчжурского Педагогического общества» (Харбин, 1922), «День русского ребенка» (Сан-Франциско, 1933–1955)» [50, с. 123]. Среди педагогической периодики заслуживают упоминания и журналы «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения», «Студент», «Студенческие годы», «Бюллетень религиозно-педагогической работы с православной молодежью», «Вопросы религиозного воспитания и образования», «Бюллетень Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей», известия, вестники и записки русских высших учебных заведений и факультетов, академических групп и научных обществ.²⁴

Самым значимым из зарубежной педагогической журналистики и ведущим печатным органом являлся журнал «Русская школа за рубежом». Издавался и печатался в Праге в период с 1924 по 1929 год под покровительством и финансовой поддержке культурно-просветительного отдела Земгора. Всего было издано 34 номера. Журнал выступал центром координации усилий интеллектуального сообщества по созданию и сохранению единого образовательного пространства для русского беженства в Европе, выработке основных принципов русского образования и сохранения национальной и культурной идентичности в условиях все возрастающей угрозы денационализации. В первом выпуске педагогического журнала напечатано обращение редакции – проф. С. И. Гессена, прив.-доц. С. К. Карценского, В. А. Ригина, где обрисовываются его основные цели и задачи. В предисловии идейные создатели проекта пишут о предпосылках его возникновения – это, в первую очередь, возникновение всё большего количества школ, которые не имеют между собой диалога. Каждая из школ решает поставленные перед ней задачи самостоятельно, и какой бы не был исход – другие школы не имеют возможности узнать о бесценном опыте и подчеркнуть что-либо для своей такой значимой работы. Идеей создателей является объединение русских зарубежных школ, создание «новой школы», в которой нет места для школы «старой», под девизом «свободная школа». «За границей находится теперь до сотни русских школ всевозможных типов. В них обучается не менее 8000 детей. Обслуживает их не менее, чем 800—900 педагогов. Действуют школы эти независимо друг от друга. Общего плана работы нет. Разобщенность еще тем сильнее, что

²⁴ Тереня Ю.Ю. «Бюллетень педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей» (1923–1931) в системе национального воспитания русского зарубежья // Известия ВГПУ. – 2013. – №1 (260). – С. 123–127.

условия политические, экономические и бытовые, в которые живут зарубежные школы, бесконечно разнообразны, не только от страны к стране, но и от города к городу. Есть ряд непреодолимых препятствий на пути к единству зарубежной русской школы. Не будем говорить о них. Но единство моральное, сознательное единство устремлений вполне возможно. Оно уже существует. Ибо чем иным живут зарубежные школы, какие мыслят о России, во имя чего столько страданий физических и моральных, как не во имя охранения тех, кому суждено вернуться в землю обетованную? И вот наша первая задача – работать над возможно большим объединением русских зарубежных школ, русского зарубежного учительства».²⁵

В разные годы здесь публиковались А.Л. Бем, С.И. Гессен, П.Н. Долгоруков, В.В. Зеньковский, А.В. Жекулина, С.И. Карцевский, И.И. Лапшин, М.М. Новиков, Н.Ф. Новожилов, В.В. Руднев, Г.Я. Трошин и др. С.И. Гессен так характеризовал свое издание: «Журнал этот, являющийся в настоящее время единственным свободным педагогическим журналом на русском языке, отводит большое место не только теоретическим вопросам педагогики и психологии, но и смежным с педагогикой дисциплинам (работы С. Карцевского о языке) и научному изучению школьных систем и законодательства о детях Западной Европы и Америки, в частности школы славянских стран и лимитрофов. Много места отводится в нем также систематическому изучению школы в Сов. России. Кроме хроники и обзоров советской школы, в каждом номере имеется статья, разрабатывающая ту или иную сторону советской школы».²⁶ Деятельность журнала вынужденно завершилась в начале 1930-х гг. в связи с прекращением финансовой поддержки, которую оказывало ему правительство Чехословацкой республики. Несмотря на то, что сумма, выделявшаяся журналу, была не слишком велика, она играла самую существенную роль в жизни издания, поскольку покрывала значительную часть его расходов, в т. ч. и на выплаты авторского гонорара. Остается добавить, что прекращение издания «Русской школы за рубежом» стало серьезной потерей для эмигрантского педагогического сообщества. Не случайно уже в 1934 г. известным педагогом и журналистом, активным автором «Русской школы за рубежом» А.Т. Павловым²⁷ была предпринята попытка издания в Праге нового педагогического журнала с аналогичными задачами под названием «Русская школа». Однако недостаточное финансирование привело к тому, что журнал на протяжении 1934–1940 гг. выходил

²⁵ «Русская школа за рубежом» выпуск 1, Прага 1923, От редакции, стр. 1

²⁶ Цитировано Гессен С.И. Науки философские и общественные / С. И. Гессен // Русские в Праге. 1918–1928 гг. (К десятилетию Чехословацкой республики). – Прага, 1928. – С. 272.

²⁷ См. Nykl H.: Russian émigré philosopher Andrei Pavlov and his concept of T. G. Masaryk. Slovanský přehled. Review for the History of Central, Eastern and Southeastern Europe, 2020, č. no. 106, s. p. 587-608.

нерегулярно и с большими перерывами, что, впрочем, не умаляет научной значимости опубликованных на его страницах статей А.Л. Бема, С.И. Гессена, В.В. Зеньковского, И.И. Лапшина, Н.О. Лосского, Е.А. Ляцкого, Г.Я. Трошина, Д.И. Чижевского и др.

Таким образом, начиная с первых номеров, журнал «Русская школа за рубежом» ставил своей целью освещать жизнь русской школы как в эмиграции и лимитрофных государствах, так и советской России, а также следить за новейшими течениями педагогики в Западной Европе и Америке.

2.2 Деятели зарубежной педагогики на страницах журнала

2.2.1 С.И. Гессен и «Русская школа за рубежом»

Для более глубокого понимания функционирования и идей журнала обратимся к деятельности одного из наиболее значимых фигур в ред. коллегии издания – Сергея Иосифовича Гессена (1887–1950), выдающегося философа и педагога.²⁸

С. И Гессен выступал как один из организаторов педагогической журналистики русской Праги 1920-х – начала 1930-х гг. Хотя С.И. Гессен публиковался в таких пражских изданиях педагогической направленности, как «Бюллетень Педагогического бюро по делам средней и низшей школы», «Вестник самообразования», выступал по проблемам воспитания и образования в пражской русской периодике («Своими путями», «Воля России» и др.), журнал «Русская школа за рубежом», без преувеличения, остается главным средством трансляции его педагогических идей. Инициатива пригласить С.И. Гессена в качестве редактора журнала принадлежала известному лингвисту и педагогу С.И. Карцевскому.²⁹ Такое решение было продиктовано не только выдающимися работами в области теории педагогики, но и опытом в редакционном деле. С.И. Гессен в 1910-1914 гг. входил в состав редакции международного философского журнала «Логос», в юности исполнял технические обязанности в петербургской газете «Речь», которую редактировал его отец, известный адвокат, публицист и журналист И.В. Гессен вместе с П.Н. Милюковым, и в период своего пребывания в России, и в первые годы эмиграции активно публиковался в русской политической и педагогической прессе. Свидетельством

²⁸ Подробнее биография и выбранные труды см. Dana Slobodová Filisofie pedagogiky Sergeje Gessena // Vybrané kapitoly z ruského myšlení 20. století: N. O. Losskij, I. A. Iljin, S. I. Gessen, L. N. Gumiljov_ ed. H. Nykl. Praha, Karolinum, 2018. С. 101-140.

²⁹ Гессен С.И. Избранные сочинения / сост. А. Валицкий, Н. Чистякова. М.: РОССПЭН, 1998. С. 748

незаменимости С. И. Гессена может служить то, что он входил в состав редколлегии на протяжении всего периода издания журнала. Начиная работу над журналом «Русская школа за рубежом», Гессен ставил своей задачей как редактора привлечь как можно больше педагогических деятелей, которые принесли бы изданию интересный материал.³⁰

Несмотря на обширную редакторскую деятельность, Гессен на протяжении всего времени выпуска журнала активно публиковался на его страницах. Наиболее глубоко и подробно занимался изучением педагогики и школы Советской России, автора интересовали не только проблемы организации школы в России, школьной политике, но подробный анализ ценностных приоритетов и принципов воспитания в советской педагогике.

2.2.2. Сергей Иосифович Карцевский

Нельзя не упомянуть основателя и редактора «Русской школы за рубежом» Сергея Иосифовича Карцевского, русского языковеда, активного деятеля Женевской лингвистической школы, участника Пражского лингвистического кружка. Его научная работа была неотделима от преподавания, а издательское дело было также одним из занятий Карцевского. В Праге он организовал выпуск журнала «Русская школа за рубежом», где публиковал на русском языке статьи как методологического, так и лингвистического плана, рецензии на эти статьи, на учебники по языку, пропагандировал, в частности, реформу русской орфографии 1917–18 гг.³¹ «Родной язык и школа», «Человеческие документы», «О формально-грамматическом направлении» – вот некоторые из его статей, опубликованные на страницах журнала.

2.2.3. Василий Васильевич Зеньковский

В. В. Зеньковский является одной из важнейших или, как писал Е. Г. Осовский, знаковой фигурой русской эмиграции.³² С самого начала эмигрантского периода он имел большой авторитет не только в психолого-педагогических, но и в политических кругах. Выпускник Киевского университета имени Св. Владимира, он стал успешным психологом нового поколения, деятельным участником общественной, религиозной и педагогической жизни

³⁰ Осовский О. Е., Киржаева В. П. С. И. Гессен и «Русская школа за рубежом»: из истории педагогической журналистики российского зарубежья 1920-х - начала 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология, no. 48, 2017, С. 202-228.

³¹ Фужерон И. И. История одной жизни. Сергей Иосифович Карцевский // Русская речь – 2019. – № 1 С. 121-128

³² Зеньковский В. В. Педагогические сочинения / сост. Е. Г. Осовский, О. Е. Осовский. Саранск: [б. и.], 2003. 808 с., С. 28

Юга России, организатором женского педагогического образования в Киеве. Его публикации, посвященные вопросам индивидуальной причинности, психологии, влияния войны на детскую психику, социального воспитания, к 1918 г. были известны российской педагогической аудитории достаточно хорошо, что подтверждает, в частности, положительная оценка ранних работ ученого одним из крупнейших теоретиков «свободного воспитания» К. Н. Вентцелем.³³

В. В. Зеньковский был широко представлен на страницах «Русской школы за рубежом» разными по жанру публикациями - от проблемных статей до рецензий и коротких заметок, первым среди которых становится его доклад на только что состоявшемся Педагогическом съезде в Праге. Уже само название - «Предпосылки строительства новой школы» - указывает на важность поднимаемой в нем проблемы не только для эмигрантской школы, но для современной системы образования в целом.³⁴

Однако с уверенностью можно говорить, что наибольшую ценность для журнала представляла публикация В. В. Зеньковским работ по проблемам педагогики и психологии. Несмотря на то, что взгляды ученого на психологию детства разделялись не всеми педагогами эмиграции, прежде всего С. И. Гессеном, его статьи на эти темы становились заметным явлением педагогической мысли зарубежья. Так, на основе уже упоминавшегося доклада на Первом педагогическом съезде В. В. Зеньковский пишет статью о педагогическом интеллектуализме, в которой приводит развернутые аргументы против гербартианской традиции в теории и практике преподавания в современной школе. Приоритеты педагогического интеллектуализма во всей системы современного обучения представляются ему глубоко ошибочными и крайне опасными, поскольку игнорируют воспитывающую функцию школы. Открывая статью определением интеллектуализма, В. В. Зеньковский так формулирует свою задачу: «Понятие интеллектуализма, взятое в строгом своем умысле, есть чисто психологическое понятие и означает оно то направление в психологии, согласно которому интеллектуальные процессы являются основными в системе душевной жизни, - все же иные процессы являются модификациями или продуктами интеллектуальных явлений. <...> Я хочу остановиться на характеристике и

³³ Зеньковский В. В. Педагогические сочинения // сост. Е. Г. Осовский, О. Е. Осовский. Саранск: [б. и.], 2003. 808 с, С. 760

³⁴ Киржаева В. П., В. В. Зеньковский на страницах журнала «Русская школа за рубежом» // Педагогика и просвещение, №4, 2021, С. 1-14.

анализе весьма родственного течения в духовной жизни - именно педагогического интеллектуализма».³⁵

2.2.4 Альфред Людвигович Бем

На страницах журнала неоднократно публиковался известный историк литературы, литературный критик, общественный деятель русского зарубежья А. Л. Бем. Деятельность его за границей хорошо известна: основатель «Общества Достоевского», преподаватель русского языка и литературы в Карловом университете, один из ведущих лекторов в Русском педагогическом институте им. Я. А. Коменского в Праге.³⁶

Не менее активно А. Л. Бем участвует и в общественно-педагогическом движении. Он является секретарем председателя Русского педагогического бюро, возглавляемым В. В. Зеньковским и редактором его бюллетеней, одним из организаторов съездов деятелей русской зарубежной школы. Интерес к проблемам школы русского зарубежья закономерно подводит ученого к осмыслению различных аспектов современного образования. В результате появляется ряд его докладов на эти темы, сделанных по поручению правления Объединения русских эмигрантских студенческих организаций и опубликованных затем в виде статей в русской эмигрантской педагогической периодике, и особенно в журнале «Русская школа за рубежом». Причем в них приводится не только информация о прошедших съездах по вопросам школьного образования, но и тщательный анализ успехов и неудач образовательных реформ средней и высшей школы в Советской России, состояния школьного дела, в частности преподавания русского языка и литературы в эмиграции.³⁷ Одни из статей А. Бема, посвященные данной проблематике: «Планы новой реформы советской школы второй ступени» (1924, №9) «Из жизни школы в России» (1925, № 12), «Новый этап советской педагогики: программно-методическая реформа ГУСа» (1926, № 23).

³⁵ Цитировано Зеньковский В. В. О педагогическом интеллектуализме // Русская школа за рубежом. 1923. № 4. С.13.

³⁶ Сурат, И. Альфред Людвигович Бем / И. Сурат, С.Г. Бочаров // Вопросы литературы. - 1991 - №6. - С. 67-75

³⁷ Гудкова С. П. А. Л. Бем в научно-образовательном пространстве Праги 1920-1930-х гг // Интеграция образования, №. 1, 2009, С. 32-35.

2.3 Основная структура и рубрики журнала

Журнал в первые годы выпуска издавался шесть раз в год, под конец существования – четыре раза. Его стоимость была указана только на первых трёх выпусках – 10 чешских крон за выпуск. Сам журнал представляет собой сборник статей, докладов, очерков и рецензий педагогов и деятелей русских и зарубежных школ разной направленности. Все выпуски журнала были довольно объёмными – в каждом издании было от 115 до 160 страниц, каждый номер журнала издавался в количестве 1000 экземпляров.

Типичный выпуск начинался сразу со статьи в основном на общую тему по педагогике, предисловие было напечатано лишь в первом выпуске, где обосновали значимость журнала для педагогики эмиграции.

Разберем основные рубрики и их содержания. В стандартном номере журнала представлены следующие постоянные рубрики.³⁸

Рубрика «Общая педагогика»: журнал уделял много внимания разработке идей единой трудовой школы, взаимодействию педагогики и психологии, проблемам школьного наказания, влиянию социальной среды на воспитание и мн. др. , и анализу педагогических идей выдающихся мыслителей прошлого – И. Канта, И. Песталоцци, Л. Н. Толстого. Как отмечает Е. Осовский, «при всем своем многоголосии публицистика Российского зарубежья несла миссию национального образования, распространения и пропаганды русской педагогической культуры - Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого, П. Ф. Лесгафта, С. А. Рачинского и др. Особую роль она сыграла в сохранении ценностей русской культуры и, в особенности, русской литературы, духовное наследие А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, их философское, психологическое, воспитательное, религиозное восприятие проблем человека, жизни, России оказалось в центре внимания философов, психологов, педагогов и активно использовалось в целях воспитания и образования»

Народное просвещение в СССР. На страницах журнала давался систематический заинтересованный анализ политики, теории и практики образования в Советской России. В качестве источников для такого анализа использовались директивные документы правящей партии, сборники статистических данных, учебные программы Наркомпроса, центральная и провинциальная советская периодика. Отдельные статьи посвящались советской партийно-государственной политике в области образования, в них давался анализ проблем

³⁸ Русская школа за рубежом. Вып. 1-34, 1924-1929 гг.

детской беспризорности, нового школьного законодательства (например, был опубликован Устав единой трудовой школы от 18. 12 1923), изданий учебной литературы, анализ отдельных выступлений П. Блонского, А. Луначарского, Н. Крупской, С. Шацкого, В. Шульгина и др. советских педагогических деятелей.

Русская зарубежная школа. Источниками для написания статей о русской школе за границей служили результаты обследований школ, проводимых Педагогическим бюро и Объединением, отчеты русских школ и гимназий, сообщения прессы и материалы учительских съездов. На страницах эмигрантской прессы выступали по жизненно важным вопросам организации обучения русских детей в эмиграции, педагогической теории и методики обучения известные своими трудами в России и за рубежом педагоги и психологи, публиковали статьи, заметки, письма, реплики С. И. Гессен, В. В. Зеньковский, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, С. А. Острогорский, А. Т. Павлов, В. В. Руднев, С. Ф. Русова, С. О. Серополко, Г. Я. Трошин и др. К вопросам образования обращались литературоведы А. Л. Бем, М. Л. Гофман, лингвист С. И. Карцевский, географ и этнограф Н. М. Могиланский, правоведы М. Н. Ершов, А. В. Маклецов, физик Д. М. Сокольников и др. Большое место отводилось в журнале описанию и анализу реальной школьной жизни Российского Зарубежья, практических дел и достижений отдельных учебных заведений, значительное внимание было уделено описанию инновационного типа русской средней школы в эмиграции, отражавшего, с одной стороны, исторические традиции русской гимназии, воспитывавшей национальные чувства, с другой, готовившей молодых людей к реальной жизни в чужой стране, дающей необходимую для социальной адаптации общую и профессиональную подготовку.

Народное просвещение в Западной Европе и Америке; На страницах журнала шел обстоятельный разговор о тенденциях развития современного образования, различных направлениях педагогики в Европе, Азии, Северной Америке - натурализме, гербартианстве, вальдорфской педагогике, экспериментальной педагогике, педагогическом идеализме Дж. Джантите и Д. Ломбардо-Радиче, трудовой школе Г. Кершенштейнера и Д. Дьюи, методе О. Декроли, идеях монтессоризма и фребелизма и др. По отдельным проблемам возникли острые дискуссии, выходившие за пределы эмигрантской прессы. Так, в 1920-е годы после публикации С. И. Гессеном книги «Основы педагогики» на страницах трех журналов - итальянского «L'Educazione Nazionale», немецкого «Die Erziehung» и «Русская школа за рубежом» возникла полемика между Гессеном и Дж. Ломбардо-Радиче, профессором Высшего педагогического института в Риме, а также группой немецких сторонников Фребеля по поводу гессеновского анализа и критики «монтессоризма» и

«фребелизма». В дискуссиях также уделялось особое внимание критическому анализу педагогических инноваций Европы и Америки - Дальтон-плана, метода проектов, комплексных программ и др. , внедрившихся не только на Западе, но и в школах советской России (А. Бем, Н. Ганц, С. Гессен и др.). Всесторонне обсуждались теоретико-методические проблемы школьного образования, их решение искали на путях достижения единства общечеловеческих и национальных ценностей, культуры и языка страны проживания.

Вопросы методики. На страницах журнала остро стоял вопрос изучение русской литературы, так же как и русского языка. Предполагалось не только ознакомление с художественной ценностью произведений, но и способствовало упрочению и сохранению национального сознания учащихся. Преподаватели не просто сообщали учащимся определенный комплекс знаний, но и заинтересовывали их, чтобы незаметно национальные идеалы становились основой их мировоззрения, влияли на выработку их миропонимания и установления их взглядов на явления окружающей жизни .Не менее глубоко и скрупулезно разрабатывались проблемы преподавания истории (П. М. Бицилли, Н. Н. Кнорринг, Л. М. Сухотин), географии и природоведения (Ю. Д. Новоселов, М. Лопуховский, С. П. Орлов), музыки (М. В. Черносвитова, С. П. Орлов), математики (А. Ф. Поляков, Д. М. Сокольников), рисования (В. С. Левицкий, Н. А. Парманин, М. М. Хрисогонов), физкультуры (С. А. Острогорский, В. С. Утехин).

Библиография. В каждом выпуске обязательно присутствовали обзор педагогических журналов, русские и иностранные книги для чтения детей и юношества, методики и учебники;

Хроника (советская, зарубежная, иностранная). Журнал регулярно публиковал тексты из советских журналов и газет, таких, как «Народный учитель», «Вестник просвещения», «Педагогическая мысль», «Учительская газета», «На путях к новой школе» и др. , стремясь представить не только собственно эмигрантское видение перемен, происходящих в школьной политике Советской России, но и взгляды их непосредственных участников.

Некрологи. Такой жанр также являлся постоянным на страницах журнала «Русская школа за рубежом», и его можно вынести в отдельную рубрику. Теплыми словами провожали на его страницах не только скончавшихся в эмиграции коллег, но и тех кто, остался в России и весть о смерти которых доходила до русского зарубежья: выдающегося русского педагога П. Ф. Каптерева, невролога, психиатра и физиолога В. М. Бехтерева,

философа А. И. Введенского, поэта Федора Сологуба; а также выдающихся представителей иностранной педагогики - Пауля Наторпа, Луи Жантиля, Вильгельма Лайя, Эллен Кей.

Эта структура была выдержана во всех 34 номерах «Русской школы за рубежом».³⁹

³⁹ Русская школа за рубежом. Вып. 1-34, 1924-1929 гг.

Глава 3. Организация и функционирование русских зарубежных школ на страницах журнала «Русская школа за рубежом»

3.1 Положение русских школ в эмиграции

Для полного видения картины образовательного пространства за рубежом, которое освещено в журнале, необходимо для начала проследить возникновение школ по странам рассеяния, их функционирование, выявить их примерное количество.

Средние школы открывались самых разных видов: зависело всё от количества беженцев самых разных городов на Юго-Востоке Европы. Так, например, в Сербии приезжие располагались в более чем 300 населённых пунктов в разном количестве, при этом в местах глухих и отдалённых. Для них были вынуждены открывать групповые занятия по предметам разных классов с количеством учеников от 12 до 40. В той же Сербии существовали так называемые Детские дома, где, помимо детских садов и начальных училищ, постепенно начали открывать гимназические низшие классы для приходящих учеников. Детей в таких заведениях обычно бывает от 60 до 90. В некоторых таких местах открывали и 5, и 6 классы, с перспективой преобразования таких мест в полные средние учебные заведения в том случае, если будет хватать финансирования и количество учащихся будет расти. Так же существуют гимназии с интернатом или без, которые включают от 150 до 300 учеников, и только Тшебовская гимназия в Чехословакии за 1922 год имела до 600 учеников, причем в одних 4-х отделениях восьмого выпускного класса было 180 человек.⁴⁰

В Югославии находятся русские учебные заведения, эвакуированные из России с Добровольческой Армией: кадетские корпуса и женские институты. Кроме того, в Белграде имеется русско-сербская гимназия и ряд учебно-воспитательных учреждений Веер. Союза Городов в различных местностях королевства. В виду того, что большее число учащихся обучается в учебных заведениях первого типа, на содержание которых Державная Комиссия отпускает значительные денежные средства, мы будем касаться только жизни кадетских корпусов и женских институтов. В Сербии находятся два института — Донской и Харьковский. По своей организации к ним

⁴⁰ Долгоруков, П. Д. Русская беженская школа / П. Д. Долгоруков // РШЗР. - 1923. - № 1. - С. 63-79.

примыкает вновь открытая Державной Комиссией женская гимназия в Великой Кикинде. Общее число воспитанниц в этих учебных заведениях около 730.⁴¹

Неоднократно в статьях журнала разных выпусков говорится о том, что «русская школьная работа за границей протекает в обстановке тяжелой борьбы за существование». При общем числе русских беженцев в королевстве, достигающем 27990 чел.,¹⁾ детей школьного и дошкольного возраста 4853, т. е. свыше 17% общего числа беженцев. По возрастным группам дети эти распределяются следующим образом: до 5 лет — 1012; от 6 до 10 лет — 983; от 11 до 18 лет — 2854; неизвестного возраста — 4 ребёнка. Итак, детей школьного возраста оказалось 3837 чел., т. е. почти 77% общего числа детей. К сожалению, далеко не все эти дети находились в условиях, которые позволяли бы им получить правильное образование. Значительная часть их (от 1052 до 1552 детей) вовсе не училось ни в школах ни дома. Около 500 детей (10, 3% общего числа) училось в сербских школах. В тех из этих школ, где обучалось много русских детей, была сделана в 1921 г. попытка организовать для них дополнительные занятия по русскому языку, литературе, истории и географии. Но повторить эту попытку, к сожалению, не удалось. Большая же часть русских детей обучалась в русских школах. Русские школы распались на три группы: 1. Бывшие казенные учебные заведения, эвакуированные из России (кадетские корпуса, женские институты). Они содержались на средства, отпускаемые Сербским Правительством. 2. Учебные заведения, возникшие уже в Югославии по инициативе русских, но существующие также на средства Сербского Правительства. 3. Учебно-воспитательные учреждения Всероссийского Союза Городов, значительная часть расходов на содержание которых покрывалась из сумм Всероссийского Союза Городов и из изыскиваемых им средств. Таким образом возникло следующее распределение: — Русский кадетский корпус (в г. Сараеве) — 325 воспитанников. Крымский кадетский корпус (в г. Белой Церкви) — 585. Донской кадетский корпус (в г. Билеги) — 340. Харьковский девичий институт (в г. Новом Бечее)—284. Мариинский Донской институт (в г. Белой Церкви) — 221. Первая русско-сербская девичья гимназия (в г. Вел. Кикинде) — 125. Русско-сербская гимназия (в г. Белграде) — 120. — Кроме этих воспитанников, живущих в интернатах, есть также и проходящие: в обоих женских институтах их до 100 чел., столько же и в Русско-сербской гимназии в Белграде.⁴²

⁴¹ Павлов, А. О русских школах в Югославии / А. Павлов // РШЗР. — 1923. - № 1. -С. 90-94.

⁴² Безобразов, С. Русское школьное дело в королевстве С. Х. С. / С. Безобразов // РШЗР. — 1923. - № 1. -С. 95

В 1922 году в Словении около Любляны была основана русская реальная гимназия в старом австрийском замке Поновичи. В это учебное заведение были переведены в качестве первых учащихся 25 детей и часть персонала из Сараевской гимназии. После трех лет работы гимназия была вынуждена переехать в другой замок – Храстовец. Уникальность школы составляло то, что находила она в одном из самых живописных мест страны, с потрясающим пейзажем и чистом воздухе, столько необходимым детям с подорванным здоровьем и психикой.

В Финляндии большая часть русских школ расположилась в пограничном районе, в Выборгской губернии. Финляндия привлекала беженцев своей близостью и упрощенной возможностью для перебега. Прибывали в страну и богатые, и бедные, но первые со временем уезжали дальше, тогда как у вторых такого шанса не было. Оставшиеся отдавали своих детей в местные школы, однако платить за обучение у них не было возможности, и первое время существование русских школ, за неимением финансирования, было под большим вопросом. Только благодаря частным лицам, таким, как купец Сергеев, который профинансировал несколько школ, местному православному приходу, или же различным благотворительным вечерам и спектаклям стало возможным учебным заведениям начать свою работу.⁴³

Таким образом, после революции количество русских школ заметно возросло, и, помимо существующих уже учебных заведений еще с прошлого века, таких, как Гельсингфорская гимназия, Выборгский лицей (220 учеников) и Териокское реальное училище (125 учеников), было открыто около 13 новых училищ. Это было связано ещё и с тем, что у большинства беженцев было только два варианта работы: пилка деревьев в лесу или педагогическая деятельность. В общем надо считать, что в Финляндии, кроме Гельсингфорса и Выборга, имеющих около 400 учеников, находится 5 средних учебных заведений с 485 учениками и 62 учителями. 7 начальных школ с 195 учениками и 32 учителями. Считая же по всей Финляндии, имеем: 16 школ с 1000 учениками и 126 учителями. Но из всех этих школ только 5 школ обслуживают 750 учеников, а все остальные 11 школ обучают всего 250 учеников. Следует упомянуть еще о двух интернатах при Перкьярвской гимназии — 108 учеников и в Райвола (преимущественно дети кронштадтских беженцев) — 58 учеников. Нужно сказать, что большинство учеников обучались в то время бесплатно.⁴⁴

⁴³ Тукалевский, В. Русские школы в Финляндии / В. Тукалевский // РШЗР. – 1923. № 1. -С. 104

⁴⁴ Тукалевский, В. Русские школы в Финляндии / В. Тукалевский // РШЗР. – 1923. № 1. -С. 105

В Польше происходила совершенно другая ситуация по отношению к русским школам. Исходя из доклада, прочитанного Д. М. Сокольниковым на первом всеэмигрантском педагогическом съезде в Праге 4 апреля 1923 года, можно увидеть тенденцию по сокращению русских коренных школ и незначительном существовании школ эмигрантских. В основном автор статьи утверждает, что на момент написания в Польше, конечно, не существовало «ни одной высшей русской школы, но нет и народной русской школы, а от средней и низшей школы в городах остались жалкие остатки», а подтверждает свои слова таблицей (приложение 1) с процентным соотношением существования школ в 1922 и 1923 годах. Сокольников пишет, что ликвидация русских учебных заведений связана с возможностью денационализации (ополячения и окатоличения) коренного православного русского населения.⁴⁵

В Латвии, в отличие от ряда стран западной Европы, школы могут пользоваться всеми правами государственной школы. В страну после революции приехало значительно малое количество эмигрантов, большинство русскоязычного населения составляют коренные жители посёлков, малыми островками обитающие на территориях Либавы, Митавы, Туккумы, Якобштады, Бауска, Вольмарского и Тальсенского уездах. Работы по строительству русской школы начались еще в 1919 году, после того как Латвия объявила себя самостоятельным государством с демократическо-республиканским образом правления. И с этого времени образование новой школы основано на положениях общего школьного закона (приложение 2) и специального, определяющего права автономной школы национальных меньшинств (приложение 3). Из вселатвийской переписи населения за 1920 год в русскую школы должны были поступать около сорока тысяч учащихся – более тысячи классов, но, по утверждению профессора Э. Диль, данная цифра еще не была достигнута. На июль 1924 года были открыты ряды учебных заведений, большая часть из которых вынуждена была существовать на деньги за оплату обучения, государственное финансирование получали в основном в Либаве и Риге. В целом, сеть основных школ наметилась еще в 1921 году и с тем пор продолжала развиваться.⁴⁶

В 1927-1928 годах в Латвии было 226 основных русских школ, с 16.722 учеников (из 9.289 мальчиков и 7.433 девочек). Исключая несколько частных школ в Риге, все остальные

⁴⁵ Сокольников Д. Русская школа в Польше / Д. Сокольников // РШЗР. – 1923. № 2-3. -С. 123 - 124

⁴⁶ Диль. Э. Русская школа в Латвии / Э. Диль // РШЗР. – 1924. № 10-11. -С. 133 - 144

содержались за счёт местных самоуправлений, а часть жалования, например, в Латгалии – в главном массиве русского населения, выплачивало государство.⁴⁷

В Литве положение русских школ можно назвать промежуточным между странами Финляндией и Латвией, где ситуация является удовлетворительной, и Польшей, где, о чём уже писалось выше, русские школы находятся на грани уничтожения. По данным анкеты, проведенной на состоявшихся в марте 1926 года русских съездах, многие школы считаются русскими, так как учащиеся – подавляющее большинство русских детей, независимо от языка преподавания. По тем же имеющимся данным, только за последние 1923-1924 г. имеется тенденция открывать школы только на государственном языке страны. Так за 1924-1925 г. были закрыты две школы с преподаванием на русском языке и не открыто ни одной на русском языке. При этом состоялось открытие шести «русских» школ с литовском языком преподавания. По данным всё той же анкеты, в 1926 году в Литве имелось 15 начальных школ, где обучались русские дети, из них в 11 школах велось преподавание на литовском языке, и только в 4 – на русском. Отчасти в таком ухудшении положения начальных школ причастно и само русское население – в большинстве своём это мало организованные крестьяне, политически мало сознательные.⁴⁸

Несколько лучше обстоят дела со средней русской школой в Литве. Благодаря постройке здания школы в Ковно, а также трудам энергичной группы русских педагогов, созданся русский очаг просвещения. Однако и в средней школе число обучающихся на русском языке неуклонно падает (приложение 4). Объясняется это последовавшим в 1923 году запрещением школ национальных меньшинств (в частности, еврейского) использовать русский язык как язык обучения.⁴⁹

В 1926-28 годах проходило два съезда русских учителей и деятелей просвещения в Литве. Темой первого съезда послужили вопрос строительства русской школы, с учётом большого количества не вовлечённых детей в обучение, а также целый ряд вопросов школьной практики, а именно преподавание русского языка, русской истории, вопросы воспитания и т.п. Результатом съезда стало избрание специального органа – Педагогическое бюро, которое смогло бы решить данные проблемы и занялось добыванием

⁴⁷ Форммаков А. Русская основная школа в Латвии / А. Форммаков // РШЗР. – 1929. № 31. -С. 59

⁴⁸ О положении русских школ в Литве / S-s. /// РШЗР. – 1926. № 23. -С. 521-522

⁴⁹ О положении русских школ в Литве / S-s. /// РШЗР. – 1926. № 23. -С. 523-524

средств. Их усилиями было собрано более 642 книг и 638 пособий для школ, вдобавок было проведено ряд мероприятий и вечеров, посвящённых русской культуре.⁵⁰

За время работы Педагогическое бюро сталкивалось с несколькими проблемами, связанными с отсутствием поддержки в разных местах, где были открыты новые школы и проводились мероприятия: отзывались лишь отдельные лица и некоторые школы. Для решения данных проблем было принято созвать второй съезд русских учителей и деятелей просвещения. Остро стоял вопрос об организации местных культурных сил, также о введении всеобщего обязательного обучения в Литве. Докладчики иллюстрировали общую картину образования на примерах отдельных школ. Например, Ковенская школа, существующая с 1918 года, хоть и к 1928 году получила небольшое улучшение, но на момент 205 учеников в четырёх отделениях остро нуждались в улучшении «быта», а также многих пособиях. Кибартское начальное училище, открытое в 1921 году, потерпело лишь незначительные улучшения в области ручного труда, но приобрело лишь значительную потерю учеников. Поневежская школа (1921), Ново-Александровское училище (1922). Школа в Вилкомире (1926) испытывали большой недостаток учебных пособий, отсутствие более-менее приемлемого оснащения школ. Итогом съезда стало выявление тяжёлого положения школ и акцентирование внимания русской общественности на усложнившуюся ситуацию образования национальных меньшинств на русском языке.⁵¹

В 1926-27 учебном году на территории Болгарии успешно функционировали три русских детских сада: в Софии (80 детей), в Пернике (60 детей) и в Варне (35 детей); четыре гимназии: Софийская (200 уч.), Шуменская (260 уч.), Варненская (180 уч.) и Пещерская (160 уч.); и сельско-хозяйственное училище при Копиновском монастыре. В целом, русская школа в Болгарии была достаточно свободна. Финансирование идет от Болгарского Правительства, в том числе и на жалования учителям, и на учебные пособия, а Болгарское Министерство Народного просвещения не считало себя в праве руководить делом русского образования и воспитания. Хорошие условия русских образовательных учреждений в Болгарии можно увидеть на примере Шуменской гимназии: школа бесплатно пользовалась большим домом и садом, дающим ежегодно до 300 пудов фруктов. Гимназии было дано право вырубать ежемесячно 200 кубов дров, а город давал ежегодно 30 тысяч лев для

⁵⁰ Тыминский А. Русская школа в Литве / А. Тыминский // РШЗР. – 1927. № 24. -С. 707-719

⁵¹ Тыминский А. Русская школа в Литве / А. Тыминский // РШЗР. – 1927-1928. № 28. -С. 556-562

покупки формы учащимся. Учреждение обладало богатой библиотекой: 7 тысяч книг, а также проводились различные кружки и собрания.⁵²

В 1921 году была основана русская Галлиполийская гимназия, в районе расположения войск, бежавших из Крыма. На месте было обнаружено 200-300 детей, страдающих от голода и холода, разных возрастов. Для 19 детей был открыт детский сад (2 – 8 лет), и под вопросом оставались оставшиеся дети, которые из-за эвакуации были выбиты из школьной колеи. Для них стали функционировать 4 класса гимназии (с 1-ого марта 1921 г.). Помощь в организации и питании была предоставлена Красным крестом. С 25-ого июня начались занятия в пятом классе, осенью открыли шестой класс. Внутренняя жизнь гимназии протекала не в самых благоприятных условиях: причиной тому послужили и учащиеся, ставшие гимназистами только из-за пайка, и педагоги, не обладающие должной квалификацией. В ноябре 1921 года гимназия переместилась в Болгарию, город Пловдив. Большой город негативно сказался на учащихся, они жили в интернате, при этом школа, ранее расположенная в двух помещениях, постепенно вынуждена была ещё больше уменьшаться. В октябре 1923 года произошло слияние школы с Петропавловской гимназией, и она получила название «Русская Галлиполийская гимназия». Школа переехала в город Тырново-Сеймен. В 1924-25 учебный год учащихся было 236 человек, был открыт восьмой класс. В 1924 году состоялся первый выпуск, в 1926 – последний. Гимназия была расформирована между Шумерской, Варненской и Софийской гимназиями.⁵³

Среди всех учебных заведений, открытых за границей после революции, большой интерес вызывает Русская гимназия Земгора, открытая в Праге в 1921 году. Её организация и идея возникли не спонтанно, как это происходило в других странах из-за возросшего числа беженцев, а главным стержнем послужил организованный и продуманный план русской демократической школы. В основе школы лежала «важная идея синтеза и примирения государственного централизма в деле школьного строительства с принципом общественной самостоятельности, т.е. децентрализации». Мысль заключалась в том, что чрезмерное вмешательство государства во все сферы деятельности школы механизмирует как ученика, так и преподавателя, заставляя становиться лишь частью большого организма, а с другой стороны – полное отсутствие какого-либо участия отрывает от общего национально-культурного дела. Но так как русская школа Земгора всё же продолжала традиции русской общественной школы, русская общественность, проживающая в Праге,

⁵² Кожина-Заборовская М. Русская школа в Болгарии // РШЗР. – 1926. № 23. -С. 525-527

⁵³ Там же.

относилась к ней с осторожностью. Тяжелая ситуация в семье беженцев также не способствовало успешным внешнему и внутреннему функционированию школы. Так на начало работы 1921-22 учебный год завершили 19 детей, а в течение года выбыло 13. Кроме постоянной смены детей, мешало и недостаточное количество учебных пособий, наглядных материалов. Классы на тот момент делились на группы. В 22 году, из-за тяжелой семейной жизни детей было принято решение организовать детскую летнюю колонию-интернат. Такое решение положительным образом сказалось на физическом состоянии учащихся, а также на их духовном развитии. Заседанием комитета Земгора 11 сентября 1922 года было принято решение открыть в Праге гимназию объединения Земгора под названием «Русская Пражская гимназия». Было открыто пять классов и один подготовительный. В сентябре количество учеников было только 60, но большой рост новоприбывших в страну значительно увеличил данное количество – под конец 1922-23 учебного года было 174. Во второй год существования 1923-24 был открыт шестой класс. На этом завершается обзор первый двух лет существования русской гимназии в Праге, и стоит отметить, что первоначальные трудности были успешно преодолены в становлении школы и её успешном функционировании, при исключительном внимании Чехословацкого Правительства к образованию русской учащейся молодёжи в республике.⁵⁴

Итоги первого съезда деятелей русской зарубежной школы показал, какое положение занимает русская школа за рубежом. В некоторых странах, таких как Чехословакия, Болгария, Латвия и Югославия, статус школы больше приравнивался к государственному учебному заведению, так как содержание многих школ шло из государственного бюджета, была возможность пользоваться всеми правами, хотя и оставаясь при этом почти полностью автономной. Во Франции, Литве, Бельгии и Германии школа носила характер определённо беженский, формально не обладая никакими правами, хоть и отчасти, например во Франции, могла пользоваться некоторыми субсидиями. Печальную картину являет собой беженская школа в Польше, не имеющая ни прав, ни финансовой поддержки, хотя и более терпимая, чем в Румынии: там школы подвергались прямому преследованию.⁵⁵

Тем самым, суммируя вышеперечисленные сведения о школах, можно сказать, что в период 1921-1924 года лишь часть стран создало приемлемые условия для существования русской зарубежной школы. Проводилась большая работа педагогов и деятелей

⁵⁴ Павлов А. Русская гимназия Земгора в Праге // РШЗР. – 1924. № 9. -С. 106-118

⁵⁵ Итоги съезда // РШЗР. – 1923. № 2-3. -С. 1-12

зарубежных школ по улучшению функционирования учебных заведений. Однако, работы по улучшению не останавливались, и после очередных съездов 1925 года и дальнейших, можно заметить улучшения положения школ в некоторых странах, например в Болгарии, или же начало работ по улучшению в Литве.

3.2 Сохранение национальной идентичности

Ученики, прибывавшие на земли ближнего зарубежья, были разных возрастов, однако большая часть была в том возрасте, когда они особенно легко, проживая в чужой стране, забывали свой родной язык и теряли свою национальность. Особенно это касалось детей, которые с потерей родины утратили и свою семью. Так вопрос о сохранении национальной идентичности то и дело всплывал на страницах журнала в статьях, посвященных работе русских школ зарубежья, и их вариантам решения данной проблемы.

Основной задачей русской зарубежной школы, по мнению Долгорукова, является замена семьи, домашнего очага, или же их восполнение. Проживание в беженских условиях, потеря дома и, зачастую, семьи оказывало на подрастающее поколение удручающий эффект и чувство потерянности, одиночества. Не многие родители могли за границей обеспечить ребёнку привычную степень комфорта, и эта обязанность ложилась на плечи школы. Именно поэтому русская школа имеет за границей большее значение, чем это было в России. «Она не только им заменяет семью, но и является частичкой их родины, и они прочно срастаются и сродняются с нею, любят её, считают её своей, дорожат её репутацией». ⁵⁶ Такое мнение подтверждается и другой статьёй, выпущенной журналом гораздо позже в 1927 году педагогом Шуменской гимназии в Болгарии А. П. Дехтеревым. В его руки попали письма родителей школе (некоторые из них см. прил. 5), где большинство просит, а иногда и умоляют оставить детей в стенах школы на всё лето, праздники или выходные дни (при Шуменской гимназии все учащиеся живут в интернате). Это объяснялось тем, что у большинства родителей, бежавших из России и оказавшихся в эмиграции, заканчивались жизненные силы. Многие из них познали нищету, голод, неуверенность в завтрашнем дне, вели примитивную борьбу за существование.⁵⁷

⁵⁶ Цитировано по Долгоруков, П. Д. Русская беженская школа / П. Д. Долгоруков // РШЗР. - 1923. - № 1. - С. 63-79.

⁵⁷ Дехтерев А. П. Новое в отношениях семьи и школы в русской эмиграции // РШЗР. - 1927. - № 24. - С. 702-706.

Неудивительно, что в таких условиях сохранять семью было трудно, многие семейные связи рушились, а лишь они и сохраняли последнее чувство родины на чужбине. Дети оказались под большим ударом, и единственным местом в их жизни была русская зарубежная школа, выступающая хранительницей не только национальных особенностей, но и семейного очага.

Развитие национального чувства, любви к родине, культуре, языку так же является характерным для русской беженской школы. Это действие проявляется решительно во всём: в разговорах, выборе книг для чтения, в сочинениях, рисунках, песнях, и даже в украшениях их комнат. Согласно автору, наряду с этим, у учеников заметно значительное развитие религиозного чувства, по сравнению с нашей дореволюционной школой.⁵⁸

Зачастую русских детей приходилось отдавать в иностранные школы. Это было связано в основном с территориальным или денежным вопросом. Плюсом такого обучения было, несомненно, основательное изучение иностранного языка, которое приобрело большое преимущество. Однако, как пишет в своей статье Долгоруков, были заметны случаи, когда дети, проходившие обучение в иноземной школе, а особенно те, которые там проживали, начинали «коверкать русскую речь», а со временем и вовсе её забывать. Для избегания денационализации Долгоруков предлагал устраивать дополнительные курсы по Закону Божьему, русскому языку и литературе, русской истории и географии, а также сообщает, что такие попытки были предприняты в Париже, в Праге, в Варне.⁵⁹

В 1925 г. на втором Съезде педагогических деятелей средней и низшей школы за границей программная комиссия по русскому языку, предложила примерную программу, составленную в результате согласования нескольких программ. В ней строго отражались вопросы грамматики языка, а также учитывалась необходимость изучения лексики. Программа предусматривала поэтапный план: задачей первого (1–2-й и подготовительный классы) было научить детей правильному и толковому чтению, заложить навыки орфографии – правильного письма – и приучить к связной и понятной передаче в письменной форме простых мыслей; во втором (3–4-й классы) главное внимание уделялось выразительности чтения и уяснению законов родного языка; задачей третьего этапа (5–6-й классы) была подготовка учащихся к пониманию родной литературы.⁶⁰

⁵⁸ Долгоруков, П. Д. Русская беженская школа / П. Д. Долгоруков // РШЗР. - 1923. - № 1. - С. 63-79.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Бем. А. Педагогический съезд в Праге // РШЗР. - 1925. - № 15-16. - С. 209-225.

Принимая во внимание, что передача и сохранение культурных аспектов, традиций и языка в школах происходила в основном через гуманитарные предметы, многие авторы в журнале обращались к вопросу преподавания истории русской литературы. Так А. Ельчанинов в своей статье писал о русской литературе как о «хранительнице русской культуры» и к её преподаванию нужно было подходить со всей ответственностью. Автор предлагал изучать произведения лишь бесспорной художественной ценности, распределить произведения по классам согласно возрастной психологии, отдельные значимые периоды литературы внести в исторический контекст.⁶¹ Оппонент Ельчанинова А. П. Петров на втором педагогическом съезде считал, что изменения в программе должны коснуться сокращения отдела древней письменности и некоторого расширения курса литературы XIX в.⁶² Для осмысления и наилучшего проникновения в глубины литературного искусства М.Л. Гофман предлагал ввести подготовительный двухгодичный курс введения в историю русской литературы, приуроченный к 5–6-му классам. Программа данного курса, по мнению М.Л. Гофмана, должна состоять из нескольких частей и включать всю народную словесность и все литературные памятники древнего периода: 1-я часть – изучение эпоса (от греческого до русского героического), знакомство с повестью и романом; 2-я часть – изучение лирики (строится по образцу 1-й части); 3-я часть – теория и история драмы.⁶³

Не только обязательными предметами, такими как русский язык, отечественная литература и история, Закон Божий, сохраняли в учениках чувство родины. Проводились различные мероприятия, способствующие не только сбережению культурного колорита, но и развитию литературного и художественного вкуса учащихся. В пражской гимназии Земгора были организованы следующие литературные вечера, посвящённые памяти русских писателей: литературно-музыкальный вечер, причастный к 125-летию со дня рождения А. С. Пушкина; вечер памяти А. Н. Островского, на котором учениками была поставлена одна из его пьес; Гоголевский вечер был организован учениками младших классов.⁶⁴

⁶¹ Ельчанинов А. История русской литературы в курсе средней школы // РШЗР. - 1925. - № 12. - С. 39-47.

⁶² Бем А. Педагогический съезд в Праге // РШЗР. - 1925. - № 15-16. - С. 209-225.

⁶³ Гофман М. К вопросу и преподавании русской словесности и истории русской литературы // РШЗР. – 1927-28. - № 25. - С. 43-59.

⁶⁴ Павлов А. Русская гимназия Земгора в Праге // РШЗР. - 1924. - № 9. - С. 106 - 118.

В некоторых школах соблюдались традиции и празднования, столько необходимые для юного возраста в воспроизводстве культуры и всех сфер духовной жизни. Реальная гимназия «Поновичи» в Словении устаивала для учеников настоящие радости: «Рождественская ёлка, которая особенно хороша, будучи срублена тут же в лесу; 9-е марта с жаворонками; масличные блины; Великий Пост и Пасхальная утренняя с крестным ходом по парку под пение детского хора, и, наконец, общее розговение, причём дети всех классов принимают участие в краске яиц и печении куличей». ⁶⁵ Соблюдение таких традиций и национальных торжеств, несомненно, давали иллюзию кусочка родины.

Ещё одно решение вопроса о борьбе с денационализацией предлагал в своей статье Бусанов через внеклассную деятельность. Автор писал о необходимости создания юношеских кружков и клубов, через которые у учеников появилась бы возможность получать сведения о русской культуре, о России в целом. Идея заключалась в демонстрации молодёжи русской природы, быта с использованием наглядного материала, музыкального сопровождения, физической активности. Вот несколько тем, предлагаемых автором: Волга, Москва, Дворянская усадьба, Русский монастырь и др. Примерная программа темы «Волга»: научно-популярное сообщение о Волге; доклад о роли Волги в истории и литературе; волжские песни; осмотр выставки. Предложения в этой статье составляли часть плана работы Объединения русской молодёжи в Берлине 1927-28 учебный год. ⁶⁶

Таким образом, можно увидеть, что вопросом о сохранении национальной идентичности задавались многие авторы на страницах журнала. Предлагались различные варианты решения, часть их которых, как мы можем видеть в последующих статьях, были успешно реализованы, остальные же нашли своё отражение в различных вариациях.

3.3 Слияние культур

В условиях жизни учеников беженских школ невозможно не прикоснуться к культуре страны пребывания, а иногда и вовсе погрузиться в неё. Важным для русской зарубежной школы было не превратить данный процесс в ассимиляцию с полным поглощением своей культуры чужой, но соприкоснуться с ней, взаимно обогащая друг друга. Многим авторам, публиковавшимся в журнале, виделось решение поставленной

⁶⁵ Цитировано из Раевская Н. Русская гимназия среди природы // РШЗР. – 1926. № 19-20. -С. 141

⁶⁶ Бусанов О занятиях в русских юношеских кружках за рубежом // РШЗР. – 1926. № 21-22. -С. 382

задачи в постоянном обмене культурными ценностями, изучением языков, совместно проводимыми социальными мероприятиями.

Во многих школах зарубежья обязательным было изучение местного языка, а в некоторых литературы и местной истории. Кроме того, проводились различные мероприятия по сближению с местной жизнью и для изучения неё. Так, например, в учебных заведениях Болгарии устраивались школьные празднества как в русских с участием болгарских школ, так и в болгарских, с участием русских. В Белграде, в апреле 1924 года происходила выставка у произведений русских беженцев с школьным отделом, состоящим, главным образом, из произведений самих детей. Отдел этот, равно как и устроенный во время выставки школьный праздник, имел у сербской публики и у сербских педагогов и общественных деятелей значительный успех. В Константинополе под руководством опытных руководителей было устроено несколько ученических экскурсий для посещения храма Св. Софии и других памятников Византийской культуры.⁶⁷

В Русской гимназии Земгора в Праге приобщение учеников к истории и культуре Чехословакии проходили путём приобщения к национальным праздникам: 28 октября – день национального освобождения чехословацкого народа, 7 марта – день рождения Т. Г. Масарика и день памяти Яна Гуса – были отмечены лекциями и беседами преподавателей на тему о значении этих дней в истории чехословацкого народа и славянства в целом. Большое образовательное значение имели посещаемые учениками сельско-хозяйственные выставки в Праге, музеи и исторические концерты русской музыки, устроенные Народным университетом Земгора. Концертам всегда предшествовали содержательные лекции проф. И. И. Лапшина, на которых он знакомил с творчеством русских композиторов.⁶⁸

Тшебовская гимназия в Чехословакии, поставленная сравнительно в лучшие материальные условия, чем многие русские школы зарубежья, устраивала у себя несколько школьных праздников с приглашением находящихся в окрестностях чешских школ и представителей городских самоуправлений. Празднества эти заключали в себе театральные представления (например „Женитьба" Гоголя), концертные и балетные отделения. Ученические хор и оркестр исполняли по преимуществу русские вещи, но также чешский гимн и некоторые чешские песни. Затем обыкновенно шло угощение и спортивные упражнения. Говорились педагогами взаимные речи и приветствия, носившие самый

⁶⁷ Долгоруков, П. Д. Русская беженская школа / П. Д. Долгоруков // РШЗР. - 1923. - № 1. - С. 63-83

⁶⁸ Павлов А. Русская гимназия Земгора в Праге // РШЗР. - 1924. - № 9. - С. 106 - 118.

искренний и душевный характер. Тшебовская гимназия отдельными партиями, доходившими количеством до 200 человек, перебивала в свою очередь в гостях у чешских учебных заведений и пользовалась всегда самым радушным гостеприимством. Посещение гимназией небольших городов, дефилирование учеников с вокзала ж. д. по городу, публичные спортивные состязания, музыка и приветствия делали для их жителей эти экскурсии событием дня. В обеденное время, как ученики, так и сопровождавшие их учителя и воспитатели, разбирались по домам местных обывателей, где им предлагалось радушное угощение и велась беседа на чешском и русском языках, причем достигалось достаточное понимание. Иногда завязавшееся таким образом знакомство между детьми поддерживалось затем перепиской. Программа празднеств была иногда смешанная, т. е. исполнения номеров, выполняемых русскими учениками, сменялись выступлениями чешских учеников. Некоторые экскурсии имели специально характер спортивных состязаний, главным образом, футбольных. Иногда же бывали лишь концертное отделение. Постоянной связью с местной спортивно-национальной жизнью служит образовавшийся в Тшебовской гимназии отряд Соколов. На годичном Акте гимназии наиболее отличившиеся Соколы награждались разными знаками отличия начальником местных чешских соколов и были зачислены в их среду. Русским ученикам объясняется, какое значение имела сокольская организация в деле создания национальной спайки чехов во время австрийского владычества и воспитания у них массовой дисциплины и физической выносливости.⁶⁹

Вопрос о необходимости изучения местного края поднимает в своей статье С. П. Орлов. Во-первых, из педагогических соображений, приобретённые умения и навыки в процессе изучения местного края подойдут впрок так же, «как пригодятся русскому студенту-медику его занятия в заграничных клиниках». Изучение местного, хотя бы и чужого края (т. е. местной топографии, местной географии, быта и т. д.) нисколько не противоречит образовательным и воспитательным задачам школы, наоборот, оно только соответствует духу разумной педагогики. По мнению автора, трудность выполнения такой задачи состоит в а) недостаточное знание местного края, б) малое знание истории и чужого местного быта, в) несоответствие условий культурного и хозяйственного быта и совершенно иной, отличный от России характер и масштаб жизни, в) нахождение многих русских школ в крупных индустриальных западноевропейских городах, представляющих сложный комплекс явлений, трудных для изучения. Предполагаемые методы решения задачи - наблюдения и экскурсии, применяемые в самом широком образе. В качестве

⁶⁹ Долгоруков, П. Д. Русская беженская школа / П. Д. Долгоруков // РШЗР. - 1923. - № 1. - С. 78-83

примера автор приводит русскую пражскую гимназию, чьё расположение в пригороде могло поспособствовать изучению отдельных сторон: топограф, и географ, положение, (коммуникации) связь с городом и окружающими местечками и селениями, природу, распределение земли (под постройками, улицами, площадями, 1) состав населения, занятия и т. д. и историю этого пригорода.⁷⁰ В Реальной гимназии «Поновичи» в Словении для детей была введена подобная практика, этому очень поспособствовало расположение школы. Ученики посещали экскурсии по окрестностям, темы таких путешествий касались таких областей, как местная природа; культурные растения; промышленность (посещение мельниц и заводов поблизости).⁷¹

Не только российские педагоги и деятели русской зарубежной школы были озабочены изучением местной культуры и языков. Доктор Иосиф Гостовский (чш. Josef Hostovský) опубликовал в журнале статью, в которой выразил мнение о необходимости обязательного изучения славянских языков в чешских школах, а в особенности русского языка. Автор ссылается не только на кровное родство, но и политические, экономические и торговые основания для обучения языку. Усилиями Чешско-Русского Объединения (Česko-ruská jednota), Югославянско-чехословацкой Лиги, Обществом Чешских Философов и Клубом Неофилологов было организовано выступление, которое дало некоторые положительные результаты. Министерством Народного Просвещения был опубликован в «Вестнике» «проект положения об обучении русскому языку и сербско-хорватскому, как предметам необязательным, в средних учебных заведениях с чехословацким языком преподавания».⁷² Результаты не заставили себя долго ждать: итогами работ подкомиссии по языкам, одобренные 4 апреля 1924 года была реформа средней школы. Восемилетняя школа делилась на три типа: нормальный, классический и славянский. В школе нормального типа вводился один славянский язык в седьмом и восьмом классе, в школе классического типа ни один славянский язык не являлся обязательным, а в школе славянского типа – обязательное изучение русского языка вводилось во всех классах, начиная с пятого, а с седьмого класса – ещё один славянский язык. В объяснительной записке была указана необходимость таких изменений: принадлежность чехословацкого народа к семье народов славянских и необходимости культурных и экономических отношений с другими славянскими народами.⁷³

⁷⁰ Орлов С. П. Изучение местного края и русская зарубежная школа // РШЗР. - 1923. - № 1. - С. 83-88

⁷¹ Раевская Н. Русская гимназия среди природы // РШЗР. – 1926. № 19-20. - С. 138

⁷² Д-р. Иосиф Гостовский Обучение славянским языкам в средней школе // РШЗР. – 1923. № 5-6. - С. 127-131

⁷³ Д-р. Иосиф Гостовский Славянские языки в будущей чехословацкой средней школе // РШЗР. – 1924. № 8. - С. 87-91

В результате, можно с уверенностью сказать, что вопрос культурного обмена между русским беженским населением и странами рассеяния успешно решался усилиями школ и различными государственными объединениями. Помимо включения в образовательный процесс местных языков, местной истории и литературы, проводились различные культурные, просветительные и социальные мероприятия, призванные улучшить приятие и понимание друг друга.

3. 3 Внутренняя организация беженских школ

3.3.1 Программа обучения

Большинство средних учебных заведений придерживалось, так называемой, Игнатьевской программы обучения (по фамилии министра народного просвещения того времени графа П.Н. Игнатьева), с некоторыми изменениями, продиктованными жизненными обстоятельствами. Долгоруков вновь обращает внимание на отсутствие у школ должных средств, в следствие чего школа не могла себе позволить разделение на классическую и реальную секции, хотя бы со старших классов. Таким образом, преобладал универсальный тип гимназии с изучением иностранных языков и с введением трудового начала. В Финляндии, отвечая на вопрос: какая у них собственно программа — реального училища или гимназии, сообщалось: с программой средней между реальным училищем и гимназией. Ярким примером тому служила Перкиярвская средняя школа.⁷⁴ Пребывание в школе за рубежом, иногда и существовавшей субсидиями со стороны иностранных государств, обязывало русских учеников изучать их язык, историю и литературу. Такие изменения в программе были продиктованы необходимостью многих выпускников поступать в высшие учебные заведения в стране пребывания. Так в Сербии и Болгарии обязательным условием поступления являлось усиленное занятие государственным языком. В Сербии к тому требовалось усиление преподавания геометрии, а в Болгарии — расширение преподавания естественной истории и рисования, а также введение преподавания химии и политической экономии в размере программ Болгарских гимназий. В Чехословакии, помимо изучения чешского языка, никаких требований не предоставлялось. В целом, изучение языков в достаточной мере перегружало программу обучения: из французского, английского и немецкого языков два являлись обязательными,

⁷⁴ Тукалевский, В. Русские школы в Финляндии / В. Тукалевский // РШЗР. – 1923. № 1. -С. 106-108

но часто ученики учили все три. В действительности почти все учащиеся изучали шесть языков: русский, латинский, местный и три новых, причём ни один из них не усваивался основательно. Этот вопрос Долгоруков предлагал детально рассмотреть в Педагогических Комитетах, на Съездах педагогов и общем заграничном Съезде.⁷⁵

В Латвии, изначально придерживающейся Игнатъевской программы обучения, в дальнейшем шло близко к нормам латышской школы с частичным использованием программы немецкой школы. Три типа средней школы: реальная школа (физико-математические науки и один западноевропейский язык), реальная гимназия (физ.-мат. и латинский яз.) и неогимназия (с двумя обязательными новыми языками). Были намечены ещё несколько интересных типов, но на момент 1924 года ещё не были осуществлены: славянская гимназия, с одним из современных славянских языков вместо латинского, и классическая, с обоими древними языками.⁷⁶ Латышскую русскую школу также не обошла стороной проблема отсутствия учебных материалов и пособий. Часть погибла во время войны, простые таблицы и материалы ученики делали сами. Учебников было довольно мало, и в недостаточном количестве для всех учащихся. Помощь приходила от Русского Отдела, который систематически отправлял пачками учебники для более нуждающихся школ. Уже позднее, в статье А. Формакова от 1929 года можно увидеть чуть более полную картину касательно предметов в русских школах. По его словам, в лучшем положении находилось преподавание математики, в основном геометрии – сказывалось наличие хороших учебников, точность требований и четкость методических указаний. Хуже обстояли дела с русским языком – не было достаточно учебных материалов, а изучению новой орфографии мешало постоянное присутствие старой, мелькающих на афишах, в газетах и даже в учебниках. Всеобщая история и география преподавались на государственном языке – латышском, что, по мнению автора, не способствовало должному усвоению предмета. Русская история преподавалась только до четвёртого класса включительно. Немецкий язык преподавался до 1927 года с третьего класса, после ему уделяли время только на последних двух годах обучения.⁷⁷ Как можно заметить, основная проблема заключалась в отсутствии необходимых материалов и предметных учебников.

⁷⁵ Долгоруков, П. Д. Русская беженская школа / П. Д. Долгоруков // РШЗР. - 1923. - № 1. - С. 63-79.

⁷⁶ Диль. Э. Русская школа в Латвии / Э. Диль // РШЗР. – 1924. № 10-11. -С. 133 - 144

⁷⁷ Формаков А. Русская основная школа в Латвии / А. Формаков // РШЗР. – 1929. № 31. -С. 64-68

В Русской гимназии Земгора в классе, соответствующему четвёртому классу гимназии, помимо языков (чешский, немецкий), преподавали следующие предметы: русский язык – синтаксис, историю русской литературы до Пушкина и сведения по теории словесности, арифметика, основы алгебры, геометрии и физики, русская история допетровского периода и древняя всеобщая история, физическая география. Обращали внимание и на другие аспекты воспитания – в школе проводились уроки гимнастики, пения и рисования. С пятого класса в программу входило изучение латинского языка с большим количеством часов (7-8 в неделю), расширилась программа по математике и естественным наукам. Закон Божий преподавался до пятого класса, и фактически всё православные дети его посещали. Преподавание физики химии в 5 и 6 классах велась путём ведения записей и проведением опытов, значительно тормозили процесс познания данных предметов отсутствие учебников, материалов и оборудованных лабораторий. Однако благодаря помощи Чехословацкого правительства этот недостаток постепенно устранялся – происходил большой рост школьной библиотеки, и к концу учебного 1923-24 года в ней насчитывалось около 8250 книг, из них около 3250 были учебники по различным предметам, и более 4 тыс. книг для детского чтения.

Как уже упоминалось в предыдущих главах, все школы в Болгарии были свободными, имели права государственной школы, и не нуждались в обременении своих программ. Все четыре гимназии являлись реформированными с одним латинским и двумя или тремя новыми языками: английским, французским и немецким.⁷⁸

3.3.2 Труд педагогов

Труд педагогов в условиях беженской школы был колоссальным. Непривычная обстановка, иные условия работы и состав учеников, и, безусловно, трудности беженской жизни осложняли процесс обучения, однако большинство учителей с головой ушли в работу. При этом у них не было доступа к средствам для поддержки и пополнения педагогических знаний, и лишь немногие из них могли знакомиться с достижениями западной школы. Не во всех школах за рубежом было достаточное количество педагогов. В Латвии ко времени возобновления работы русской школы после войны оказалось мало педагогов, достаточно компетентных для преподавания в средней школе. Часть работы на

⁷⁸ Кожина-Заборовская М. Русская школа в Болгарии // РШЗР. – 1926. № 23. -С. 525-527

себя взяли добровольцы педагогического отдела, без формального права преподавания.⁷⁹ В материальном плане ситуация была немногим лучше: многие учителя начинали работу за минимальную оплату труда, или же вовсе на добровольных началах. В Сербии труд учителя в русских школах на момент до весны 1923 года оплачивался в размере 7 динар за час, позже оплата возросла до 10 динар, тогда как минимальная зарплата сербского учителя составляла 20 динар. В Тшебовской гимназии, которая почти полностью финансировалась чехословацким правительством, оплата труда учителя приравнивалась к зарплатам преподавателей чешских гимназий. Некоторые учебные заведения, которым не хватало средств, были вынуждены затягивать с жалованием на несколько месяцев, а часть из них и вовсе вынуждена была закрывать свои программы, оставляя учителей без средств к существованию. Учителя испытывали затруднения и неуверенность в завтрашнем дне, что не могло не сказываться на их общем состоянии. Стоит также отметить, что не имея хорошо оборудованных классных комнат, должных комплектов учебников, необходимых материалов для учебных программ, учителям в беженской школе приходилось иметь дело с учениками, выбитыми из колеи событиями их жизни. Педагогам нужно было проявлять больше заботы о детях, стараться создать семейную обстановку. Однако, несмотря на перечисленные трудности, двухлетний опыт работы показал, как русское учительство с честью вышло из положения и делало всё от них зависящее для общего успеха дела.⁸⁰

В Финляндии, если не брать в расчёт, что многие учителя не имели педагогического образования, оплата труда тоже была весьма скромной: если финляндский учитель получает в среднем свыше 1000 марок за учебный час, то русские педагоги получают около 200 марок, причем у некоторых весь их доход в месяц не превышает 300 марок, а для того, чтобы жить сносно, надо получать минимум 1000 марок в месяц.

Удручающее положение занимали русские учителя в Румынии – к ним предъявлялись жесткие требования. Даже для того, чтобы преподавать в частной школе (мы уже писали о том, что в Бессарабии дети беженцев могли обучаться лишь в оставшихся частных русских школах), им было необходимо иметь румынское гражданство, сертификат, подтверждающий успешно пройденную аттестацию на знание государственного языка, диплома, двух документов о несудимости, свидетельства о благонадежности.⁸¹ Всё это

⁷⁹ Диль. Э. Русская школа в Латвии / Э. Диль // РШЗР. – 1924. № 10-11. -С. 133 - 144

⁸⁰ Долгоруков Труд педагогов

⁸¹ Вишняк М. Школа в Бессарабии / / РШЗР. – 1927-28. № 25. -С. 83-95

лишь указывало на почти бесправное положение меньшинств в Румынии, а особенно беженцев.

3.3.3 Положение учеников

В подготовительный и первые классы родители приводили учеников после детских садов в возрасте семи-восьми лет, однако в старшие классы, не без опасений, приходилось принимать и юношей до 26-ти лет, некоторые из них уже побывали в офицерских чинах, были ранены и приобрели другие контузии и знаки отличия. Трудно было предположить, что люди, которые были столько лет оторваны от школы и семьи, не державшие в руках книгу, будут способны вновь сесть за школьную скамью и подчиниться школьной дисциплине. Тем не менее, как отмечает Долгоруков, нежелательный налёт в общей атмосфере у некоторых учеников быстро сходил как с воспитательной, так и с учебной стороны. Вполне возможно, сознательное и добровольное участие в вооруженной борьбе поспособствовало развитию у многих коллективной дисциплины и силы воли. У многих отмечалась огромная жажда знаний и желание наверстать упущенное время. Для этих людей, лишённых Родины, школа стала некоторой заменой семьи, и за которую многие из них крепко держались.⁸²

Долгоруков также обращает внимание на поразительное чувство долга и альтруизм учеников русской беженской школы – это есть общее явление для всех средних учебных заведений в разных государствах. Рвение к занятиям учителям приходилось не поощрять, а даже сдерживать. Педагоги наблюдали, как ученики выпускных классов с 4-х утра выходили на воздух с книгами и занимались. Многие «старые» учителя, работавшие в России, отмечали, что в условиях беженской школы ученики за несколько месяцев достигали больших результатов, чем на Родине в течение нескольких лет. В воспитательном отношении также наблюдались утешительные результаты: в силу возраста некоторых учеников приходилось менять тон обучения, не применять строгих дисциплинарных мер, создание устрашающего порядка не требовалось. Зачастую ограничивались разговором, устным выговором, или самой устрашающей мерой – угрозой удаления из учебного заведения. Лишь раз их одной школы пришлось удалить целую партию учеников и направить их на приискание себе пропитания физическим трудом.⁸³

⁸² Долгоруков, П. Д. Русская беженская школа. Ученики П. Д. Долгоруков // РШЗР. - 1923. - № 1. - С. 63-79.

⁸³ Там же.

Одним из благоприятных факторов являлось совместное обучение в школах – это вызывало благотворное взаимное влияние и создавало в школе более семейное настроение.

3.3.4 Внеклассная деятельность

Немаловажную роль в воспитании и образовании детей играет внеклассная деятельность: расширяет кругозор, повышают эрудированность, приобретаются в процессе необходимые метапредметные знания, умения и навыки. Особую роль внешкольная деятельность играла в условиях эмиграции – необходимость в социальном и культурном обогащении после последствий войны, благотворно влияющем на неокрепшую психику ребёнка.

В Латвии уделяли большое внимание внеклассной деятельности латышского населения для поднятия общей культурной грамотности – это и передалось русским беженским массам. Рижским просветительным обществом были организованы кинопоказы с предшествующей небольшой лекцией, чтения-беседы с волшебным фонарём для деревенского населения, дни русской культуры.⁸⁴

У учащихся также наблюдалось сильно развитая самодеятельность. Возникали всевозможные кружки для самообразования, совместного чтения, реферирования, коллекционирования, изучения природы, занятия в химических лабораториях и прочее. В Тшебовской гимназии, например, ученики с учителем занимались бактериологией. Существовали кружки, где занимались искусством и литературой, устраивали театры, хор, издавали собственные журналы. В реальной гимназии «Поновичи» особое внимание уделялось художественно-театральным кружкам, которые делились на три группы: театральную, художественно-рисовальную и музыкальную. Кружки проводили несколько выступлений в близлежащих населённых пунктах – в Любляне и Литии. Помимо этого, существовал естественный кружок с постоянными прогулками на природе.⁸⁵ При Галлиполийской гимназии в Болгарии усилиями преподавателя музыки был сформирован гимназический оркестр. В составе были 25 учеников мандолинистов, гитаристов и балалаечников. Оркестр объезжал с концертной программой города Софию, Пловдив и Перник. Везде его принимали с радушием и восхищались талантом учеников передавать

⁸⁴ Тихоницкий Е. М. Внешкольное образование русского населения в Латвии // РШЗР. – 1929. № 33. -С. 332-340

⁸⁵ Раевская Н. Русская гимназия среди природы // РШЗР. – 1926. № 19-20. -С. 139-140

музыкальное искусство таких композиторов, как Чайковский, Глинки, Гуно и Верди с помощью незатейливых инструментов. Там же преподавателем математики был организован театральный кружок, а в 1925 году под его руководством учениками была поставлена пьеса «Свадьба функций». ⁸⁶ Оригинальное представление – совмещение предмета с творчеством, несомненно заслуживало внимания и широкой известности.

На первом съезде русских учителей и деятелей в Литве представили выставку ученических работ по ручному труду (рукоделие, переплётное и бумажное дело), отделам рисования, школьному кооперативу, библиотечным и коллекционным отделам. (Прил. 6). ⁸⁷Особенно интересны работы детей по рукоделию и переплётному делу – ведь, помимо воспитательных задач, учащиеся приобретали полезные навыки для практической деятельности вне школьных стен.

Были развиты и спортивные кружки. В Тшебовской гимназии был образован кружок Соколов под руководством Чеха-Сокола, футбольный кружок В Константинопольских, Сербских и Болгарских школах существовали Бойскаутские организации. Профессор С. А. Острогорский писал о необходимости физического образования в школах: «правильно поставленное физическое образование необходимо в школе прежде всего в интересах гармонии и развития тела и духа и даже в интересах развития сего последнего». Яркое доказательство значения физического образования, по мнению профессора, являлись соколы. «Сокольево сыграло огромную роль в воспитании чешского народа и подготовило его к освобождению, сделало способным выполнить эту трудную задачу, развило все те черты, которые были нужны для борьбы».

Трудовые кружки имели большую популярность. Учащиеся применяли свои таланты в украшении церквей, создании декораций, расписки стен помещений кружков, иллюстрировании журналов. Во многих школах были свои сапожные мастерские, где ученики сами чинили обувь. Были и другие мастерские: по изготовлению мебели, учебных пособий и приборов, по художественной резьбе и прочие. Например, в Дольно-Ореловской гимназии в Болгарии были столярная, слесарная, кузнечная, древообделочная и швальная мастерские. Такой труд, на первый взгляд, мог бы идти в ущерб учебной деятельности, однако у учеников наблюдалось развитие волевой энергии, инициативы и самопомощи.

⁸⁶ Кожина-Заборовская М. Русская школа в Болгарии // РШЗР. – 1926. № 23. -С. 525-527

⁸⁷ Тыминский А. Русская школа в Литве / А. Тыминский // РШЗР. – 1927. № 24. -С. 710-711

Во многих русских зарубежных школах ученики участвовали в трудовой деятельности на благо школы. Это было всё так же связано с небольшим финансированием, и детям приходилось обслуживать самих себя. В русской гимназии «Поновичи» ученики сами делали матрацы и подушки, разбирали бельё в прачечных, расчищали и протаптывали дорожки в парке, помогали по кухне: чистили картофель, крутили мясорубку, пекли блины.⁸⁸ Такая работа не являлась непосильной для детей и благоприятно влияла на понимание практической части жизни в школе и вне неё.

⁸⁸ Раевская Н. Русская гимназия среди природы // РШЗР. – 1926. № 19-20. -С. 140-141

Заключение

Русская послереволюционная эмиграция вытерпела немало испытаний, встретившейся ей на пути, особенно это коснулось подрастающего поколения, которые в столь юном возрасте оказались оторванными от родины, претерпевая много жизненных невзгод. Главной опорой и надеждой для этих детей являлась русская зарубежная школа, возникшая из-за необходимости социальной и материальной поддержки.

Для понимания контекста в работе были изложены краткие сведения о становлении русского зарубежья «первой волны», положения беженских детей, что являлось предпосылкой к возникновению русских зарубежных школ. Описали историю возникновения, представление о школах и их делении. Положение беженцев, условия их жизни выявили одну из проблем: недостаточное материальное положение и условия жизни детей-беженцев. Решением стали различные государственные и благотворительные организации, чья помощь в начале оказала неоценимую поддержку.

Во второй главе нами были представлены сведения о положении педагогической журналистики «первой волны» эмиграции, которое на протяжении 20-х –30-х гг. широко освещала вопросы жизни беженской школы, судьбы эмигрантского учительства, новые тенденции в образовании советской России. Определили роль центрального журнала – «русской школы за рубежом» – он выступал центром регулирования усилий педагогического сообщества по созданию и сохранению единого образовательного пространства русского беженства в Европе, вырабатывал основные принципы русского зарубежного образования и сохранения национальной и культурной идентичности в условиях нарастающей денационализации подрастающего поколения. Осветили деятельность философов и педагогов, внёсших большой вклад в создание и смысловую наполненность журнала. Подробное рассмотрение основных рубрик журнала позволило нам выявить многообразие педагогических, методических, рецензионных статей разной направленности, что подчеркнуло ценность издания как ведущего журнала педагогической мысли за рубежом.

Анализ непосредственно самих статей журнала рубрики «Русская школа за рубежом» помог создать не совсем полную, но устоявшуюся картину функционирования русских зарубежных школ. Рассматриваемые статьи в основном были посвящены

отдельным школам в станах Ближнего Зарубежья, лишь некоторые давали чёткое представление по странам. Многие школы упоминались лишь в узком круге обрисовываемой проблемы. Однако это позволило нам выявить основные проблем организации эмигрантской русской школы в разных странах:

- непрочность школьного бюджета;
- кризис эмигрантской семьи и выявление роли семьи в воспитании и национальном самосохранении детей в эмиграции;
- тяжелые условия работы русской школы за рубежом;
- материальное и правовое положение преподавательского состава;
- подвижность и неоднородность контингента учеников;
- преодоление процесса денационализации детей и юношества;
- удаленность места жительства учащихся от учебного заведения.

Не все из приведённых проблем были успешно решены, но для этого были созданы ряд различные организации (Педагогическое Бюро, Педагогические съезды), которые работали над их устранением.

Одной их важнейших проблем образовательного пространства русского зарубежья была проблема денационализации. На страницах журнала выделялось особое внимание её освещению и предлагались следующие варианты решения: широкая информация русской общественности о надвигающейся опасности; создание культурно-национальных объединений; развитие системы русских школ при пересмотре программ преподавания с учетом значения отдельных предметов в системе национального воспитания; развитие системы внешкольного образования; активизация литературно-издательской деятельности в области издания русской классики и детской литературы; всемерная поддержка форм русского быта; моральная и материальная помощь детям-сиротам; организация праздников русской культуры.

Как показывает анализ материалов, опубликованных на страницах педагогических журналов, ввиду разобщенности беженской массы в каждой отдельной стране создание русской школы шло особым путем. Это не позволяло использовать общепедагогический опыт, накопленный за время проживания в эмиграции, и разрешить целый ряд принципиальных вопросов постановки учебного дела и управления образовательными учреждениями.

Таким образом, основная проблематика образовательного пространства русского зарубежья 1920-1930 гг. заключалась в социально-психологической защите детства в условиях эмиграции, выявлении путей решения проблемы предотвращения процесса денационализации детей и юношества, сохранении традиций русской культуры и родного языка, разрешении проблем русского учительства, организации эмигрантской школы в разных странах. Решение многочисленных проблем образования подрастающего поколения и национального самосохранения детей и юношества в эмиграции осуществлялось в процессе национального образования и воспитания в учебных заведениях русского зарубежья.

Список литературы

Источники

- Безобразов, С. Русское школьное дело в королевстве С. Х. С. / С. Безобразов // РШЗР. – 1923. - № 1. -С. 95
- Бем. А. Педагогический съезд в Праге // РШЗР. - 1925. - № 15-16. -С. 209-225.
- Бусанов О занятиях в русских юношеских кружках за рубежом // РШЗР. – 1926. № 21-22. -С. 382
- Вишняк М. Школа в Бессарабии // РШЗР. – 1927-28. № 25. -С. 83-95
- Гофман М. К вопросу и преподавании русской словесности и истории русской литературы // РШЗР. – 1927-28. - № 25. -С. 43-59.
- Дехтерев А. П. Новое в отношениях семьи и школы в русской эмиграции // РШЗР. – 1927.- № 24. -С. 702-706.
- Диль. Э. Русская школа в Латвии / Э. Диль // РШЗР. – 1924. № 10-11. -С. 133 – 144
- Д-р. Иосиф Гостовский Обучение славянским языкам в средней школе// РШЗР. – 1923. № 5-6. -С. 127-131
- Д-р. Иосиф Гостовский Славянские языки в будущей чехословацкой средней школе// РШЗР. – 1924. № 8. -С. 87-91
- Журнал «Русская школа за рубежом» полное собрание за 1924-1929 гг.
- Долгоруков, П. Д. Русская беженская школа / П. Д. Долгоруков // РШЗР. - 1923.
- Ельчанинов А. История русской литературы в курсе средней школы // РШЗР. - 1925. - № 12. -С. 39-47.
- Итоги съезда // РШЗР. – 1923. № 2-3. -С. 1-12
- Кожина-Заборовская М. Русская школа в Болгарии // РШЗР. – 1926. № 23. -С. 525-527
- О положении русских школ в Литве / S-s. /// РШЗР. – 1926. № 23. -С. 521-524
- Орлов С. П. Изучение местного края и русская зарубежная школа // РШЗР. - 1923. - № 1. - С. 83-88
- Павлов, А. О русских школах в Югославии / А. Павлов // РШЗР. – 1923. - № 1. -С. 90-94.

- Павлов А. Русская гимназия Земгора в Праге // РШЗР. – 1924. № 9. -С. 106-118
- Раевская Н. Русская гимназия среди природы // РШЗР. – 1926. № 19-20. -С. 141
- Сокольников Д. Русская школа в Польше / Д. Сокольников // РШЗР. – 1923. № 2-3. -С. 123 – 124
- Тихоницкий Е. М. Внешкольное образование русского населения в Латвии // РШЗР. – 1929. № 33. -С. 332-340
- Тыминский А. Русская школа в Литве / А. Тыминский // РШЗР. – 1927. № 24. -С. 707-719
- Тыминский А. Русская школа в Литве / А. Тыминский // РШЗР. – 1927-1928. № 28. -С. 556-562
- Тукалевский, В. Русские школы в Финляндии / В. Тукалевский // РШЗР. – 1923. № 1. -С. 104
- Формаков А. Русская основная школа в Латвии / А. Формаков // РШЗР. – 1929. № 31. -С. 59

Литература:

- А. И. Буча. Начальный этап «Русской Акции» Чехословацкого правительства и организационное оформление белорусской диаспоры в Чехословакии/ Буча. А.И. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2010. — С.80–86
- Гессен С.И. Избранные сочинения / сост. А. Валицкий, Н. Чистякова. М.: РОССПЭН, 1998. С. 748
- Гессен С.И. Науки философские и общественные / С. И. Гессен // Русские в Праге. 1918–1928 гг. (К десятилетию Чехословацкой республики). – Прага, 1928. – С. 272.
- Зеньковский В. В. Педагогические сочинения / сост. Е. Г. Осовский, О. Е. Осовский. Саранск: [б. и.], 2003. 808 с., С. 28
- Карцевская. Е. Юношеский Красный Крест в Чехословацкой Республике // РШЗР. – 1924. № 9. -С. 87-91

Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). –Париж, 1971. С. 17–30.

Ковалёв М. В. Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге 1920-30 гг. Исторические очерки. 2014 г. с. 8.

Костиков В. В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). М. 1990. С. 240

Костерин С. В. Деятельность «Комитета помощи детям русских эмигрантов в Польше» по оказанию поддержки детям беженцев" // Преподаватель XXI век, vol. 2, no. 2, – 2016, С. 260-273.

Kopřivová A. Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921 – 1952). Praha, 2001;
Копрживова А. Русский заграничный исторический архив // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, № 1. С. 66 – 69

Осовский О. Е., Киржаева В. П. С. И. Гессен и «Русская школа за рубежом»: из истории педагогической журналистики российского зарубежья 1920-х - начала 1930-х гг // Вестник Томского государственного университета. Филология, no. 48, 2017, С. 202-228.

Руднев В. Несколько цифр. / Дети эмиграции, сборник статей под редакцией проф. В.В. Зеньковского, Прага 1925. С. 193-194

Руднев В. В. Условия жизни детей эмиграции. Прага: [б. и.], 1928. 17 с.

Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов. Уч. Пос. С. 82.

Седова Е. Е. Седова Е.Е. Журнал «Русская школа за рубежом» в социокультурном и образовательном пространстве Европы // "Русская школа за рубежом" (Прага, 1923-1931- № 1-34) : указатель содержания / [Санкт-Петербургский информ.-культурный центр

"Русская эмиграция", Отд. литературы Русского зарубежья Российской гос. б-ки ; сост. Короткова Е. В.]. - Санкт-Петербург : Сударыня, 2009. – С.7-30

Тереня Ю. Ю. Генезис педагогической журналистики русского зарубежья 1920-1940 гг. // Историко-педагогический альманах ВЛАДИ. 2011 г. № 3-4. С. 54-62.

Тереня Ю.Ю. «Бюллетень педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей» (1923–1931) в системе национального воспитания русского зарубежья // Известия ВГПУ. – 2013. – №1 (260). – С. 123–127

Nykl H.: Russian émigré philosopher Andrei Pavlov and his concept of T. G. Masaryk. Slovanský přehled. Review for the History of Central, Eastern and Southeastern Europe, 2020, č. no. 106, s. p. 587-608.

Dana Slobodová Filisofie pedagogiky Sergeje Gessena // Vybrané kapitoly z ruského myšlení 20. století: N. O. Losskij, I. A. Iljin, S. I. Gessen, L. N. Gumiljov_ ed. H. Nykl. Praha, Karolinum, 2018. С. 101-140.

Интернет-источники

Микуленок А. А. Положение детей-эмигрантов из России в лимитрофных государствах в 1920-е годы // Вестник ТГПУ. 2018. №5 (194). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-detey-emigrantov-iz-rossii-v-limitrofnyh-gosudarstvah-v-1920-e-gody> [cit. 2022-07-25].

Корпřивовá, Anastasie: Osudy ruské emigrace v Československu: studie a články. Ústav pro studium totalitních režimů: Paměť a dějiny [online]. 2015 [cit. 2022-04-25]. <http://www.ustrcr.cz/data/pdf/pamet-dejiny/pad1502/027-034.pdf> [cit. 2022-07-25]

Симановская Е. Русская школа за рубежом. <https://bilingual-online.net/russkaja-shkola-za-rubezhom-bilingual/> [cit. 2022-07-25]

Приложение 1.

Таблица числа русских школ в Польше.

		1922	1923	Уменьшение в %
Средние школы	Гимназии мужские	2	2	35%
	" смешанные	18	13	
	" женские	8	4	
	Рельные училища смешанные	3	2	
	Коммерческие училища смешанные	2	—	
	Духовные семинарии	2	2	
		<u>35</u>	<u>23</u>	
Низшие школы	"Семикласувки"	9	7	35%
	Духовные начальные училища	1		
	Низшие нач. у-ща и подготов. школы	7		
	Школы-приюты и лагеря для интер- нированных детей	3	6	
		<u>20</u>	<u>13</u>	
Итого		55	36	

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Закон о просветительных учреждениях Латвии.

(выборка).

4. Школы могут быть совместные, а также отдельные для мальчиков и девочек.

8. В школах и классах, где преподавание ведется не на государственном языке, последний вводится в начальной школе со второго года обучения.

9. История и география Латвии проходятся в каждой школе, начиная с третьего года курса основной школы, причем детям дается также общее введение к этим предметам. В дальнейшем эти предметы должны проходиться систематически на государственном языке.

10. В школах должен преподаваться Закон Божий. Освобождаются от этих уроков те дети, родители коих подают об этом письменное заявление заведующему школой.

Прим. 2. Родители каждого вероисповедания могут требовать для своих детей преподавания вероучения, если в школе имеется не менее 10 человек учащихся сего вероисповедания.

Прим. 3. Преподавание вероучения католического, православного и старообрядческого, а также религиозное воспитание детей сих исповеданий, назначение и увольнение законоучителей этих исповеданий подчиняется их церкви (или приходу).

33. Каждый гражданин Латвии обязан обучаться с исполнившегося шестого года до шестнадцатилетнего возраста.

34. Обязательный круг обучения обнимает:

а) домашнее или дошкольное обучение (7 и 8 г.г.).

б) основную школу (9-ый до 14 г. включительно).

в) дополнительную школу (15 и 16 г.г.).

Прим. Обязательное обучение касается также слепых, глухонемых и душевно ненормальных детей, для которых должны быть учреждены особые школы или просветительные учреждения.

35. К обязательному обучению примыкает необязательное в средней и высшей школе и других просветительных учреждениях.

37. В обязательных школах, содержимых государством и самоуправлениями, все дети обучаются бесплатно.

39. Во всех обязательных школах обучение ведется на родном языке учащихся.

40. Родным языком ребенка считается язык, заявленный как родной его родителями при определении ребенка в училище, в котором ребенок свободно выражает свои мысли.

41. Правительство и самоуправления содержат для каждой народности столько обязательных школ, сколько их требуется для их детей на основании положений сего закона.

Прим. Национальные меньшинства, граждане Латвии, имеют право требовать открытия особого класса, если в нем наберется по меньшей мере 30 учащихся, которые обучаются под руководством

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Закон об организации школ меньшинств в Латвии, опубликованный в *Valdības Vestnesis* № 89 от 18 декабря 1919 г. (выборка).

2. Из средств, отпускаемых государством и коммунальными учреждениями на нужды средних школ всех типов, школам меньшинств предоставляется часть, соответствующая численности населения данной народности. Обязательные школы меньшинств содержатся согласно ст. 41 закона об учебных заведениях Латвии.

3. Каждое юридическое, а также каждое физическое лицо имеет право, согласно общим постановлениям о частных школах, основывать и содержать школы с преподаванием на языке данной народности.

4. Требования программы в школах меньшинств не должны быть меньше требований в соответствующих латышских школах. Прим. Объем обязательных требований по латышскому языку; у для школ меньшинств определяется Мин. На р. Проев.

5. Надзор за школами меньшинств принадлежит Министерству Просвещения на общих основаниях.

6. Управление школами каждого отдельного меньшинства сосредоточивается в особом отделе объединенного департамента, начальники которого подчиняются непосредственно министру.

7. Начальник управления школами меньшинства является представителем своей национальности во всех вопросах культуры, о правом сношения со всеми департаментами М. Н. П. и с правом участия в заседаниях кабинета министров с правом совещательного голоса по вопросам, касающимся культурной жизни представляемой им народности.

8. Начальники отделений, предусмотренные в ст. 6, представляются через министра просвещения на утверждение кабинета министров.

10. При каждом отделе управления школами меньшинства существует Совет Школьного Отдела, состоящий из начальника данного отдела, заведующих подотделами, трех делегатов данного меньшинства и трех членов данного учительского союза.

14. Педагогическая и научная подготовка учителей, преподающих в школах меньшинств, не должна быть ниже подготовки, требуемой Правительством Латвии от учителей латышских школ.

Приложение 4

Дата	Общее число сред. уч. заведений в Литве	Учащихся в них	Обучалось		Обучал. на рус. языке
			Правосл.	Русских	
Сент. 1919	нет свед.	8.276	нет	сведений	847
" 1920	76	12.731	116	нет свед.	875
" 1921	91	13.823	205	" "	1.142
" 1922	97	20.920	255	242	1.110
" 1923	110	23.110	325(1,4 %)	295(1,27 %)	922
" 1924	118	24.268	384(1,6 %)	325(1,34 %)	593
" 1925	126	24.600	399(1,62 %)	358(1,46 %)	463

Вот что пишет воспитателю в гимназию мать двух детей, из которых одному — Ване**) семь лет:

«...Ваню я хочу на это лето оставить в гимназии. Не удивляйтесь этому. Сейчас объясню, и Вы наверное согласитесь со мной: Ваня не видел лета в прошлом году. Дома страшно шалит, оставаясь один, так как я с утра до вечера ухожу на фабрику; хозяйка жалуется. И чтобы не было неприятностей, я брала его с собой на работу. Будила в 6 час. утра; конечно, слезы. На фабрике жара, вонь... Шалит, бегает между машинами... Я его нищу. Опять неприятности — отрываюсь от работы. Стала запира́ть его у знакомых на чердаке; опять неладно, кричит, стучит в двери. Так я мучилась целое лето, и не могла дожидаться, когда отправлю его в гимназию. Если мне придется

взять его, то повторится та же история, или целый день он будет с уличными детьми. И чего только эти дети не знают, а я не буду иметь времени во-время увидеть и остановить. И его пребывание в гимназии за лето все пропадет. Шлепать его и наказывать за шалости? Да и виноват ли он? Ему нужны дети его возраста, нужен присмотр; ничего этого я дать не могу. Если надо, то могу за лето за него даже платить, лишь бы не брать»...

А вот другое письмо, тоже матери:

«...Брать детей на праздники я не буду; уж очень тяжело с ними на 300 левов (в неделю) — и я мучаюсь, и они голодают возле меня в буквальном смысле слова. Святослав очень слабенький и худенький, кости да кожа; уж очень голодно мы живем. Меня Вы извините за мои письма: горе, нужда и вечная забота, чем накормить завтра ребят, убили во мне всякие мысли и желания. Нет, брать я их больше не буду»... И дальше: «Жаль мне Святослава. Я знаю, что он еще мал, и что учиться ему еще рано*). Но взять его домой я не могу; ему будет дома хуже. У вас он хоть сыт, а Вы спросите моего старшего сына, как мы голодали летом. Взять его домой опять на то же, держать под ключом в нетопленной комнате, пока приду с работы — я не могу. У вас и с Вами ему будет лучше. Святослав — мальчик ласковый и добрый. Жаль мне его больше Николая, потому что детство его совсем беспросветное. Он ничего не испытал, кроме горя, голода и холода. Это все, что наполняло до сих пор его коротенькую жизнь. У моих мальчиков нет отца. Николай еще помнит его, а Святослав — нет; и никому они во всем свете не нужны, кроме меня. Я уверена, что они и самые бедные среди других ваших детей. Все это знаю, но ничем помочь не могу. Святославу скажите, что к Рождеству я пришлю ему кубики»...

Вошющие строки... Мать двух детей, оставленная мужем еще в 1922 году в Константинополе, простирает к гимназии руки с мольбой о спасении детей, готовая отказаться от высшей материнской радости — увидеть своих детей, приласкать их.

Вот письмо отца двух мальчиков:

«...Жена моя, очень слабая по здоровью, не может много времени уделять занятиям с сыновьями, имея на руках еще трехлетнюю дочь. Оба мальчика, узнав об их приеме в гимназию, теперь только и живут мыслью о предстоящем отъезде и о том, как они попадут в ту гимназию, где с ними будут говорить и заниматься по-русски»...

Рис. 3. Выставка ученических работ, Кибартское начальное училище.